

С.Т. ДЖОШИ

ЛАВКРАФТ

Я – ПРОВИДЕНС

2

fanzon

Fanzon. Все о великих фантастах

С. Т. Джоши

Лавкрафт. Я – Провиденс. Книга 2

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8

Джоши С. Т.

Лавкрафт. Я – Провиденс. Книга 2 / С. Т. Джоши — «Эксмо»,
2013 — (Fanzon. Все о великих фантастах)

ISBN 978-5-04-178638-0

Эксцентричный затворник из Провиденса. Смелый путешественник. Отец современного сверхъестественного ужаса. Создатель бога Ктулху, магии оккультного «Некрономикона» и одновременно атеист. Автор самиздата. Последний джентльмен 20-го века. Добрый друг с отличным чувством юмора. Расист и женоненавистник. Верный муж. Соавтор-бессребреник. Дилетант и видный редактор. Парадоксальный мыслитель. Человек науки, не закончивший школу. Кошмарный писатель и графоман. Изысканный мастер литературы ужасов. Все эти противоречивые мнения в чем-то правдивы. И для того, чтобы исследовать жизнь и составить полное впечатление о личности и эпохе Лавкрафта, и написана эта биография. Перед вами расширенная и обновленная двухтомная версия монументальной биографии, получившей премию Брэма Стокера и Британскую премию фэнтези. «Книга 2» охватывает период жизни Лавкрафта с 1925 по 1937 год. Дополнительный раздел описывает влияние Лавкрафта на современную культуру — с 1937 по 2010 год. «На днях я получил монументальную биографию Лавкрафта и с тех пор изучаю ее... Каждая крупная библиотека в мире обязана иметь эти два тома в своем фонде. И Джоши следует признать главным биографом, которым он и так зарекомендовал себя предыдущим изданием». — ТОМАС ЛИГОТТИ «Окончательная биография». — ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС «Исчерпывающий тему фолиант служит окончательной биографией Лавкрафта». — PUBLISHERS WEEKLY В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8

ISBN 978-5-04-178638-0

© Джоши С. Т., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Аббревиатуры	7
Глава 16. Натиск Хаоса (1925–1926)	8
Конец ознакомительного фрагмента.	48

С. Т. Джоши

Лавкрафт. Я – Провиденс. Книга 2

S. T. Joshi

I Am Providence:

The Life and Times of H. P. Lovecraft

Volume 2

Copyright © 2013 by S. T. Joshi, as published by Hippocampus Press, New York, USA

© М. Стрепетова, М. Востриков, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Аббревиатуры

А. Д. – Август Дерлет
Э. Э. П. Г. – Энни Э. П. Гэмвелл
К. Э. С. – Кларк Эштон Смит
Д. У. – Дональд Уондри
Э. Х. П. – Э. Хоффман Прайс
Ф. Б. Л. – Фрэнк Белнэп Лонг
Д. Ф. М. – Джеймс Ф. Мортон
Д. В. Ш. – Дж. Вернон Ши
Л. Д. К. – Лиллиан Д. Кларк
М. У. М. – Морис У. Моу
Р. И. Г. – Роберт И. Говард
Р. Х. Б. – Р. Х. Барлоу
Р. К. – Рейнхард Кляйнер
СК – «Склеп Ктулху»
ИЛ – «Исследования Лавкрафта»

ИАХ – письма Лавкрафта в издании «Аркхэм-хаус»

БДХ – Библиотека Джона Хэя в кампусе Брауновского университета

Глава 16. Натиск Хаоса (1925–1926)

«31 декабря 1924 года я устроился в просторной комнате с приятными пропорциями в доме номер 169 по Клинтон-стрит, что на углу улицы Стейт, в районе Бруклин-Хайтс, близ Боро-Холл. Дом был построен в эпоху раннего викторианства: отделка из беленого дерева, высокие окна с широкими подоконниками, на которых можно сидеть, и две ниши с портьерами, создающие истинную атмосферу библиотеки. В целом – замечательное уединенное жилище для старомодного человека, к тому же с прекрасным видом на старинные кирпичные дома на улицах Стейт и Клинтон»¹.

С этой записи начинается одно из самых необычных сочинений Лавкрафта – его «Дневник» за 1925 год. Вы спросите, почему этот документ, такой важный для понимания переломного года в жизни писателя, опубликовали совсем недавно (в пятом томе «Избранных эссе», 2006), тогда как все остальные его сочинения, которые только удалось наскрести, за исключением личных писем, появлялись в печати независимо от их качества и важности? Возможно, причиной тому заурядное назначение дневника, который не обладал литературной ценностью дневников Сэмюэла Пипса или Джона Ивлина, а создавался с совершенно иной целью – в качестве мнемонической памятки. Лавкрафт вел записи в ежедневнике за 1925 год размером около 2,5 × 5,25 дюйма (около 6,35 × 13,3 см), в котором на каждый день выделялось не более четырех строк. Говард не соблюдал ограничения формата (он терпеть не мог линованную бумагу), и среди его заметок так много зашифрованных фраз и аббревиатур, что некоторые из них я до сих пор не могу разобрать. Вот, к примеру, запись от 16 января:

«Проводил СХ – купить стол СЛ Подготовить комнату СЛ – поездки туда и обратно – найти СЛ и РК в 169 – приезжают МакН и ГК, разговор переместился в кафетерий к удивлению СЛ – разошлись в 2 ночи – ГК МакН и ГФЛ на метро – ГФ и ГК на Сент-Ток, 106 – спать».

Не самое увлекательное чтение, верно? Впрочем, дневник велся чисто с практической целью, а именно помогал Лавкрафту составлять письма к Лиллиан. Данный обычай появился еще несколько лет назад, когда в конце лета 1922 года Лавкрафт гостил в Нью-Йорке и посреди длинного послания к тетушке вдруг написал: «Это одновременно письмо и дневник!»² Позже стало ясно, что он вел подобного рода заметки во время всех своих поездок, однако ни один из других дневников обнаружить не удалось. Быть может, существуют записи и за 1924 год – они помогли бы пролить свет на многие неоднозначности того периода.

С помощью дневника за 1925 год можно буквально проследить за жизнью Лавкрафта день за днем, правда, занятие это будет практически бессмысленным. Да, некоторые его письма к тетушкам Энни и Лиллиан, в которых краткие заметки из дневника превращались в детальные описания, пропали, и нам осталось судить о его повседневной жизни лишь по наброскам. Только вот нас больше всего интересуют не действия и занятия, а общая картина существования Лавкрафта. В то время он впервые зажил один, без своих кровных родных и без супруги. Конечно, не стоит забывать о друзьях, тем более что на 1925 год пришелся расцвет Клуба Калем, члены которого мелькали в скромных квартирках друг друга, будто жили одной литературной общиной. Тем не менее никогда прежде Лавкрафту не приходилось проявлять столько самостоятельности, а именно: самому готовить еду, заниматься стиркой, покупать одежду и выполнять прочие повседневные обязанности, составляющие привычный порядок вещей для большинства людей.

Позже Лавкрафт признавался, что жилье на Клинтон-стрит, 169, выбрал «с помощью тети»³. Поиском они наверняка занимались в декабре, когда Лиллиан приехала к нему на длительный срок; еще Лавкрафт упоминал, что в том же месяце вместе с тетусшкой ездил в Элизабет⁴ – чудесный городок в штате Нью-Джерси, который, судя по всему, тоже рассматривался в качестве возможного места жительства, однако он все же предпочел остаться поближе к Манхэттену. Ему приглянулась квартира на первом этаже, тем более что благодаря наличию двух отгороженных ниш для переодевания и для купания в ней можно было сохранить рабочую атмосферу, как в кабинете. План комнаты Лавкрафт набросал в письме к Морису Моу⁵ (см. схему 1 на вкладке).

Неудивительно, что все пространство вдоль двух стен заняли книжные шкафы, но даже несмотря на это, многие книги не уместились в квартире и были отданы на хранение. В квартире не имелось никакого кухонного оборудования. Впрочем, Лавкрафт изо всех сил старался поддерживать порядок и даже сообщал Лиллиан, что на домашние дела уходит не так уж много времени: «Раз в три дня я вытираю пыль, раз в неделю подметаю, а питаюсь так просто, что мыть приходится либо всего одну тарелку, либо чашку с блюдцем и пару приборов»⁶. Расстраивало его лишь одно, да и то поначалу: район считался неблагополучным, однако нужда, как говорится, всему научит. За сорок долларов в месяц это был очень неплохой вариант, к тому же Соня могла ночевать здесь во время своих нечастых наездов в Нью-Йорк – диван в комнате раскладывался в двухспальную кровать. В отсутствие Сони Лавкрафт почти все время держал его собранным, а иногда и вовсе дремал в кресле с откидной спинкой.

Интересно, что за последние тридцать-сорок лет благодаря программе облагораживания район Бруклин-Хайтс стал одним из самых востребованных (и дорогих) в Бруклине, тогда как в прежде роскошном Флэтбуше, где на Парксайд-авеню, 259, раньше жила Соня, ситуация заметно ухудшилась, и улица Флэтбуш-авеню превратилась в пристанище кричащих дисконт-магазинов. Другими словами, социально-экономический статус двух районов Бруклина, в которых успел пожить Лавкрафт, изменился с точностью до наоборот. Впрочем, с Клинтон-стрит по-прежнему легко добраться до Манхэттена на метро, поскольку она ближе к деловому центру города, чем Парксайд-авеню, расположенная по другую сторону Проспект-парка. Всего в паре кварталов от Клинтон-стрит находится Боро Холл, здание администрации Бруклина, и транспортный узел, через который проходят две линии метро, Ай-ар-ти (маршруты 2, 3, 4, 5) и Би-эм-ти (маршруты М, N, R), а поезд F (Ай-эн-ди) останавливался неподалеку на Берген-стрит. Большинство из этих линий действовали еще при жизни Лавкрафта, так что он мог без проблем добраться домой из Манхэттена в любое время дня и ночи – это было удобно в связи с его частыми ночными прогулками с «бандой».

Для начала давайте рассмотрим вопрос о том, насколько одинокой была жизнь Лавкрафта в 1925 году. Работая в универмаге «Мэйбли энд Кэрю» в Цинциннати, Соня раз в месяц приезжала в Нью-Йорк на несколько дней, однако уже в конце февраля она либо ушла с этой должности сама, либо ее уволили. «...Хотя с момента последнего визита ее здоровье заметно улучшилось, суровая и враждебная атмосфера в „Мэйбли энд Кэрю“ все-таки стала для СХ невыносимой, и придирчивое руководство вместе с завистливыми подчиненными практически вытеснило ее с работы»⁷, – писал Лавкрафт тете Энни. В других источниках он отмечает, что Соня два раза ненадолго попадала в частную больницу в Цинциннати⁸. Итак, в феврале Соня вернулась в Бруклин и решила наконец-то, пусть с запозданием, устроить себе шестинедельный отдых, рекомендованный докторами. С конца марта до начала июня она почти все время проводила у женщины-врача в Саратога-Спрингс на севере штата Нью-Йорк, и в апреле Лавкрафт, как ни странно, рассказывает, что у нее там был «ребенок под присмотром»⁹, намекая на работу в качестве няни. Возможно, Соне предложили это место в обмен на бесплатное проживание, так как речь однозначно идет о чьем-то частном доме, а не о

санатории. В мае Лавкрафт писал Лиллиан: «В Саратоге все хорошо, и хотя ее недавняя затея с шляпным делом провалилась, она ищет другие варианты получше...»¹⁰ О каком именно деле здесь говорится, нам не известно.

В июне и июле Соня вновь надолго оставалась в Бруклине. В середине июля она нашла какую-то работу в магазине головных уборов или универмаге в Кливленде, куда уехала двадцать четвертого числа. Жилье она нашла в пансионе на Восточной 81-й улице, 2030, за сорок пять долларов в месяц¹¹. В конце августа Соня переселилась на Восточную 86-ю улицу, 1912¹². Как бы то ни было, к середине октября она снова осталась без работы. «Проблема с новой должностью заключалась в том, что оплату начисляли на комиссионной основе, поэтому в мертвый сезон она трудилась почти за бесплатно»¹³, – сообщал Лавкрафт. К середине ноября, а может, немного раньше, Соня нашла другое место, на этот раз в «Халле», крупнейшем на тот момент (и вплоть до закрытия в 1982 году) универмаге Кливленда¹⁴. Там она проработала в течение 1925-го и большей части 1926 года.

За 1925 год Соня приезжала в Нью-Йорк девять раз и пробыла в квартире на Клинтон-стрит, 169, всего восемьдесят девять дней, а именно:

с 11 по 16 января
с 3 по 6 февраля
с 23 февраля по 19 марта
с 8 по 11 апреля
со 2 по 5 мая
с 9 июня по 24 июля
с 15 по 20 августа
с 16 по 17 сентября
с 16 по 18 октября.

Хотела она приехать и на рождественские праздники, но, по всей вероятности, была сильно загружена работой в «Халле». За три с половиной месяца, что Лавкрафт прожил в Бруклине в 1926 году, Соня провела с ним от силы три недели, примерно с пятнадцатого января по пятое февраля. В общем и целом, из пятнадцати с половиной месяцев жизни Лавкрафта в квартире на Клинтон-стрит, 169, в 1925–1926 годах на долю Сони пришлось чуть более трех месяцев. Бывала она там чаще всего лишь наездами, а дольше всего, на шесть недель, оставалась в июне и июле.

Если у Сони ситуация с трудоустройством в этот период была переменчивой, то у Лавкрафта – и вовсе безнадежной. В «Дневнике» за 1925 год и в переписке с Лиллиан за 1925–1926 годы он лишь трижды упоминает о том, что просматривал объявления с вакансиями в «Сандей таймс» (в марте, июле и сентябре), но и из них ничего толкового не вышло. Пока Соня фактически отсутствовала, Лавкрафт перестал активно искать работу. Не знаю, стоит ли его за это критиковать, ведь многие люди, которые долго не могут никуда устроиться, со временем теряют надежду. В 1924 году Лавкрафт занимался поисками очень старательно и целеустремленно, хотя был неопытен в этом деле и временами действовал неумело.

В 1925 году он по большей части пытался устроиться на работу по советам друзей. Самым перспективным вариантом казалась внештатная должность в отраслевом журнале, изданием которого занимались Артур Лидс и еще один человек по фамилии Йесли. Вот как в конце мая Лавкрафт описывал этот проект Лиллиан:

«Работа в учреждении этого Йесли простая: нужно просто сочинять хвалебные материалы с описанием выдающихся коммерческих предприятий или известных личностей в сфере торговли. Каждая статья должна быть объемом в полторы печатных страницы или страницу с четвертью с двойным

интервалом. Факты – или так называемые «наводки» – для статьи они предоставляют сами из газетных сообщений или рекламных материалов... Готовую статью необходимо отправить в редакцию, и если все в порядке, специальный торговый агент относит ее человеку или компании, о которых в ней и рассказывается. Заинтересованной стороне дают возможность проверить материал, после чего агент предлагает заказать – в качестве рекламы – некое количество журналов, в которых статья будет напечатана. Если все сложится хорошо (что, на удивление, происходит в подавляющем числе случаев, так как торговые агенты здесь – настоящие профессионалы), то автор статьи получает десять процентов от уплаченной суммы, то есть от полутора до тридцати долларов в зависимости от заказа»¹⁵.

Не самое подходящее занятие для Лавкрафта, однако от него требовалась лишь способность легко сочинять статьи, а это он умел. Трудно представить, чтобы Говард писал рекламные тексты, однако среди его бумаг сохранилось пять статей подобного рода (видимо, неопубликованных): «Красота хрусталя» (о компании «Корнинг гласс воркс» из Корнинга, штат Нью-Йорк, производящей «стубенское стекло»), «Очарование изящной древесины» (о группе мебельных компаний «Кертис» из Клифтона, штат Айова), «Часы с характером» (о напольных часах от «Колониальной производственной компании» из Зилленда, штат Мичиган), «Истинное колониальное наследие» (о мебели под брендом «Данерск» производства корпорации «Эрскин-Данфорт» в Нью-Йорке») и «Настоящий приют литературы» (о книжном магазине «Александр Гамильтон» в Патерсоне, штат Нью-Джерси). Р. Х. Барлоу дал им общее название «Коммерческие рекламки». Приведем небольшой отрывок из одной статьи:

«В „Кертис вудворк“ вы найдете и привычные конструктивные элементы, и хитрые приспособления вроде встроенной или долговечной мебели, включая книжные шкафы, комоды, буфеты и стенные шкафчики. Каждая разработанная и созданная модель – это чистое искусство, зрелое мастерство и истинное умение, которым славится наше энергичное предприятие. Мебель подбирается строго под стиль каждого дома. Учитывая высокое качество, мы предлагаем на удивление низкие цены. Во избежание подделок ищите торговую марку на всех предметах мебели нашего производства».

Стиль рекламных текстов тех времен сильно отличался от нынешнего, особенно когда речь заходила о товарах, которые приходилось описывать Лавкрафту, так что к его текстам вполне ожидаемо отнеслись с презрением, как и к его письму 1924 года с просьбой о приеме на работу. Впрочем, многие из этих фирм явно взывали к псевдоаристократическим вкусам среднего класса, и возвышенный стиль Лавкрафта им как раз бы подошел.

К сожалению, дело не выгорело, и вины Лавкрафта в том не было. К концу июля он уже сообщал о трудностях с проектом, который, судя по всему, вскоре окончательно провалился, потому что Говард больше о нем не упоминал. По словам Лавкрафта, и ему, и Лонгу (который вместе с Лавмэном тоже попытался работать внештатно на комиссионной основе) обещали заплатить за статьи, но денег они, скорее всего, не получили.

В феврале Мортон устроился в Музей Патерсона, где и проработал до конца жизни. В середине июля Лавкрафт упоминал о том, что Мортон может взять его к себе ассистентом, однако вплоть до отъезда Говарда из Нью-Йорка в апреле 1926 года эта призрачная возможность так и не реализовалась. И дело было вовсе не в том, что Лавкрафту не хватало знаний в области естествознания – Мортону и самому пришлось многое освежить в памяти, чтобы сдать экзамен на эту должность, – просто на тот момент члены правления были не в состоянии расширять штат служащих. Музей тогда располагался в конюшне неподалеку от библиотеки, и члены правления с нетерпением ждали, когда же скончается престарелый обитатель сосед-

него с конюшней дома, чтобы снести оба здания и построить на их месте новый музей. До разрешения вопроса они даже не думали о найме новых сотрудников, а до отъезда Лавкрафта его так и не решили. Впрочем, посетив музей в конце августа, он уже не так сильно жалел о промедлении.

Кое-какие деньги Лавкрафт, конечно, получал от журнала *Weird Tales*, где в 1925 году опубликовали пять его рассказов, а также вычитанный им рассказ К. М. Эдди «Глухой, немой и слепой» (апрель), за который ему, вероятно, ничего не заплатили. Нам известно, какие суммы ему выплатили за три из этих пяти рассказов: тридцать пять долларов за «Праздник» (январь), двадцать пять долларов за «Неименуемое» (июль) и пятьдесят долларов за «Храм» (сентябрь). Сколько он получил за другие две истории – «Показания Рэндольфа Картера» (февраль) и «Музыка Эриха Занна» (май), точно сказать нельзя, но, вероятно, тридцать долларов за каждый. Естественно, все эти рассказы он написал несколькими годами раньше, а в журнал отправил в конце 1924 или начале 1925 года. Гонорар за пять историй составил примерно сто семьдесят долларов – этой суммы едва хватило бы на четыре месяца аренды квартиры.

Где же Лавкрафт брал средства на все остальное – еду, прачечную, скромные разъезды, одежду, бытовые товары и еще восемь месяцев платы за квартиру? Очевидно, ему помогала Соня, да и тетушки поддерживали по мере возможности. Правда, в письме к Сэмюэлу Лавмэну Соня с горечью поднимает эту тему:

«Когда мы жили на Парксайд-авеню, 259, тетушки присылали ему по пять долларов в неделю. Они думали, что я буду его содержать. После переезда на Клинтон-стрит они стали слать по пятнадцать долларов в неделю. Аренда обходилась в сорок долларов в месяц. На еду, проезд, стирку и письменные принадлежности уходило более пяти долларов в неделю. Все, что было «сверх того», давала ему я. А когда раз в две недели я приезжала в город делать закупки для фирмы, я оплачивала все его повседневные расходы и развлечения. Уезжая, всегда оставляла ему щедрую сумму...»¹⁶

Похожий отрывок можно встретить и в ее мемуарах. Написан он был не только для того (как в открытую заявляет Соня), чтобы поправить слова У. Пола Кука («Не имея практически никакого дохода, он выделял не более двадцати центов в день на еду – да и те обычно тратил на марки»¹⁷), но и чтобы посмертно упрекнуть тетушек Лавкрафта за то, что мало помогали ему в финансовом плане. И все же сама Соня тоже немного преувеличивает. В декабре 1924 года Лавкрафт просил у Энни Гэмвелл (и получил) семьдесят пять долларов на текущие расходы, в том числе на переезд¹⁸, и, судя по его письму, с такой просьбой он обращался к тетушкам не в первый раз. В письме к Энни (конец февраля) упоминаются «как всегда полученные вовремя чеки»¹⁹, значит, если она и не сама зарабатывала эти деньги, то, возможно, выделяла их и Лавкрафту, и Лиллиан с их семейного счета. Пока весной Соня жила в Саратога-Спрингс, Лавкрафт сообщил Лиллиан, что «она, естественно, не может сейчас вносить свою изначально оговоренную долю аренды», хотя супруга все равно по возможности присылала ему немного денег, от двух до пяти долларов²⁰. Лавкрафт часто подтверждал получение денег от Лиллиан (без указания суммы), а Энни оплачивала его ежедневную подписку на *Providence Evening Bulletin*. Другими словами, тетушки вносили свой вклад в его содержание, однако львиную долю трат Лавкрафта все равно брала на себя Соня.

О какой именно сумме идет речь? Аренда обходилась в сорок долларов, но в октябре хозяйка, миссис Бернс, заявила Лавкрафту, что теперь жильцы будут платить по десять долларов в неделю, то есть примерно на три доллара в месяц больше. Если считать, что новый тариф вступил в силу с первого ноября, то за год аренды Лавкрафт отдал четыреста девяносто долларов. На еду (и, вероятно, другие расходы), как он тогда утверждал, уходило примерно

пять долларов в неделю²¹ – или двести шестьдесят долларов в год. Добавим хотя бы двадцать долларов в неделю на дополнительные траты (двести сорок в год), и общая сумма составит девятьсот девяносто долларов за весь год, из которых сам Лавкрафт заплатил не более двухсот пятидесяти (сто семьдесят он получил от *Weird Tales* и еще семьдесят четыре доллара шестнадцать центов – от Мариано де Магистриса, управлявшего карьерой). Получается, оставшиеся семьсот пятьдесят долларов оплатили Соня и его тетушки. Сомневаюсь, что Лиллиан и Энни могли выделять ему по пятнадцать долларов в неделю, иначе Лавкрафту не пришлось бы экономить. Поскольку Соня была в разъездах, она не могла точно знать, сколько денег он получает. При этом тетушки Лавкрафта и сами жили только на наследство Уиппла Филлипса, так что, полагаю, Соня не совсем справедливо упрекает их в недостатке щедрости.

В отсутствие оплачиваемой работы у Лавкрафта оставалось много времени на общение с друзьями. На 1925 год пришелся настоящий расцвет Клуба Калем. Лавкрафт тесно общался с Кирком, который стал хозяином книжного магазина, но работал по гибкому графику и поэтому мог составить приятную компанию ночному гуляке Говарду. Приведем в пример один январский день как типичный распорядок Лавкрафта. Днем шестнадцатого числа он посадил Соню на поезд до Цинциннати, зашел в квартиру к Лавмэну (ключ у него был) и оставил тому запоздалые подарки ко дню рождения от Лонга, затем вернулся к себе домой, где провел встречу «банды», после чего все вместе они отправились к Лавмэну, чтобы посмотреть на подарки. На ночь Лавкрафт остался у Кирка на 106-й улице, оба они спали в одежде, а утром ушли, чтобы в квартире Кирка тоже можно было устроить сюрприз. Лишь несколько дней спустя, двадцатого января, Кирк решил поселиться в том же доме на Клинтон-стрит, что и Лавкрафт, в квартире сверху. Тем вечером они вместе с Лавкрафтом отправились собирать вещи Кирка и спать легли только в пять утра. На следующее утро они упаковали все необходимое, и на завтра Кирк переехал. Одно время Лавмэн тоже хотел поселиться на Клинтон-стрит, 169, но в итоге передумал.

В тот год Лавкрафт почти каждый день встречался с кем-то из друзей: либо приглашал к себе домой, либо виделся с ними в кафе на Манхэттене или в Бруклине, а по средам – на еженедельных собраниях группы, которые проходили то у Макнила, то у Лидса, поскольку эти двое никак не могли разрешить свой затянувшийся спор. Вот вам и «причудливый затворник» Лавкрафт! Общение с друзьями и обширная переписка, связанная с ОАЛП, отнимала у него столько времени, что за первые семь месяцев 1925 года он не написал практически ничего, кроме нескольких стихотворений, да и те предназначались для встреч Клуба редакторов.

В письме от шестого февраля Кирк рассказывал своей невесте о том, откуда взялось название клуба: «Так как все фамилии постоянных членов начинаются на К, Л или М, мы хотим назвать его Клуб КАЛЕМ. Сегодня придет человек шесть, в основном одни зануды, не считая меня и ГФЛ...»²² В эссе, написанном десять лет спустя, Кляйнер объяснял происхождение названия немного иначе: «Оно основано на начальных буквах К, Л и М в именах первоначальной группы – Макнила, Лонга и писателя, – а также тех, кто присоединился к клубу за первые полгода»²³. Как бы то ни было, мне кажется, что название может быть связано со старой кинокомпанией «Калем» (1905), имя которой дали Джордж Клейн, Сэмюэл Лонг и Фрэнк Мэрион, руководствуясь тем же принципом²⁴. Быть может, кто-то из участников Клуба Калем неосознанно вспомнил это слово, пытаясь придумать название. Также возникает вопрос, когда именно оно появилось. На большом собрании третьего февраля в ресторане «Милан» (на пересечении Восьмой авеню и 42-й улицы) присутствовали Соня, К. М. Эдди (приехавший в Нью-Йорк на пару дней) и Лиллиан (она уехала десятого января, провела несколько недель у друзей в округе Уэстчестер, а двадцать восьмого января вернулась в Нью-Йорк и пробыла там еще неделю), а также Кирк, Кляйнер и Лавмэн. Правда, это была не встреча «банды», ведь, как намного позже утверждал Лавкрафт, клуб считался «чисто мужским»²⁵ и женщин на его

встречи не пускали. Странно, что в переписке за тот период Лавкрафт ни разу не называет клуб «Калем», а упоминает его только как «банду» или «ребят».

Поначалу Лавкрафт старался проводить время с Соней в случае ее нечастых наездов в Нью-Йорк: например, четвертого февраля он пропустил встречу с «ребятами», потому что Соня плохо себя чувствовала²⁶. Но со временем ситуация изменилась, особенно когда в июне и июле супруга надолго задержалась в городе. Даже в течение ее визита в феврале – марте Лавкрафт приходил домой так поздно, что Соня уже спала, а когда он просыпался (ближе к обеду), ее уже не было. За этот промежуток он написал не очень много писем к тетушкам, поэтому из «Дневника» трудно сделать какой-либо вывод о положении вещей на тот момент, однако запись от первого марта намекает, что после встречи «банды» у Кирка некоторые члены клуба отправились в «Шотландскую пекарню» (в паре кварталов от квартиры Кирка), а затем Лавкрафт вместе с Кирком вернулись обратно и проговорили до рассвета. Десятого числа Лавкрафт и Кирк (без Сони) ездили в Элизабет, а обратно возвращались через Перт-Амбой и Тоттенвилл, что в Стейтен-Айленде. На следующий день, после регулярного собрания клуба у Лонга, Лавкрафт с Кирком вновь пошли домой к Кирку и разговаривали до половины шестого утра.

В отсутствие Сони Лавкрафт начал следить за своим питанием. Он сообщил Моу, что отказывается снова становиться на весы после того, как увидел на них цифру 87 килограммов, однако в январе всерьез взялся за похудение и всего за несколько месяцев похудел с 90 до 66 килограммов, а обхват шеи уменьшился с 16-го размера до 14-го с половиной (примерно с 41 до 37 см). Все костюмы пришлось ушивать, и каждую неделю он покупал воротнички все меньшего и меньшего размера. Как писал сам Лавкрафт:

«Килограммы уходили один за другим! Я также делал упражнения и гулял на свежем воздухе, а друзья, увидев меня, либо радовались моей поразительной худобе, либо, наоборот, пугались. К счастью, толстым я был не настолько долго, чтобы кожа растянулась. Напротив, она стала подтянутой и восстановилась в точности по очертаниям моего тела образца 1915 года и ранее... Возрождение затерянной на десятилетие статуи из покрывавшей ее мерзкой грязи было потрясающим и крайне эмоциональным опытом».

Как же отреагировали друзья, родные и жена на подобные изменения?

«Супруга, естественно, возражала и была в ужасе от моего болезненного, на ее взгляд, вида. Получил я нагоняй и от тетушек, которые слали мне длинные письма, и от миссис Лонг, когда я заходил проведать малыша Белнэпа. Однако я знал, чего хочу, и отчаянно стремился к цели... Теперь я публично могу заявить о действенности своей личной диеты и не позволяю жене кормить меня сверх установленного»²⁷.

В письмах к тетушкам Лавкрафт подробно рассказывал о своем рационе. Как уже говорилось ранее, ни одно письмо от Лиллиан, к сожалению, не сохранилось (есть лишь несколько непримечательных посланий от Энни), хотя, судя по ответам Говарда, писала она довольно часто. В конце весны и начале лета 1925 года в переписке всплывает тема еды. Лавкрафт сообщает:

«Самое главное сейчас – диета и прогулки. Кстати, сегодня я начал питаться по собственной программе и потратил всего *тридцать центов* на еду, которой должно хватить на *три* порции:

1 буханка хлеба 0,06 ц.
1 средняя банка фасоли 0,14 ц.
100 г сыра 0,10 ц.

Всего 0,30 ц.»²⁸

Лавкрафт, вероятно, пытался доказать, что способен экономить деньги в трудные времена, и, несомненно, ожидал похвалы за свою бережливость, однако, судя по его следующему ответному письму, реакция тети оказалась совсем иной:

«Касательно моей диеты – что за ерунда! Я питаюсь нормально. Возьми буханку хлеба среднего размера, разрежь на четыре части и добавь к каждой из них по четверти банки (среднего размера) фасоли „Хайнц“ и по большому куску сыра. Если в результате не получится полноценный дневной рацион для старого джентльмена, то я откажусь от своего места в комитете по питанию в Лиге Наций! Одна порция обходится примерно в восемь центов, но не стоит из-за этого переживать! Это полезная еда, а многие энергичные китайцы едят и того меньше. Конечно, время от времени я меняю компоненты – например, вместо фасоли покупаю консервы со спагетти, тушеной говядиной или солониной, а иногда добавляю и десерт в виде печенья или еще чего-нибудь. Фрукты тоже ем»²⁹.

Это один из самых примечательных отрывков из всей корреспонденции Лавкрафта. Отсюда мы узнаем многое: что жил он в то время в нищете (и хотя ситуация немного наладится, до конца жизни, даже вернувшись в Провиденс, он все равно будет жить бедно), а из соображений экономии практически перестал питаться в ресторанах и кафе-автоматах. Тон всего письма довольно ребяческий, как будто подросток оправдывается перед родителями за свое поведение. Тема диеты вновь затрагивается в том же письме, как только Лавкрафт получает очередной ответ от Лиллиан:

«Господи боже! Если б ты только видела, сколько всего лишнего в меня без конца запихивала СХ, пока была здесь! Дважды в день: мясные консервы, нарезка ветчины, хлеб, американский и швейцарский сыр, торт, лимонад, булочки, пудинги в чашке (собственного приготовления) и так далее, и тому подобное, пока я не лопну. Вот теперь думаю, как, во имя Пеганы, я влезу в свои новые воротнички пятнадцатого размера!»

Разнообразие в диету Лавкрафта вносили эксперименты с кухнями других стран, блюда которых он пробовал либо в ресторанах с Соней, либо во время одиночных поездок. В начале июля Соня водила его в китайский ресторан (вероятно, уже не в первый раз), где они заказывали вполне стандартное рагу чоу-мейн³⁰. В конце августа Лавкрафт впервые отведал итальянский суп минестроне, который ему так сильно понравился, что впоследствии он часто заглядывал в «Милан» на Манхэттене, чтобы заказать огромную порцию этого супа за пятнадцать центов³¹. Примерно в то время Лавкрафт заявил, что его питание стало «чересчур итальянским», однако поспешил заверить Лиллиан, что с точки зрения здоровья это только к лучшему: «...я не заказываю ничего, кроме спагетти и минестроне, а в них содержится практически идеальное соотношение питательных элементов: пшеничная основа в спагетти, множество витаминов в томатном соусе, целый ассортимент овощей в супе, а также большое количество тертого сыра в обоих блюдах»³².

Впрочем, во всем этом было и нечто удручающее. В октябре Лавкрафту пришлось купить масляный обогреватель, так как обогрева, предоставляемого хозяйкой дома, миссис Бернс, не хватало (тем более что забастовка угольщиков, организованная Союзом шахтеров Америки, длилась с сентября 1925 по февраль 1926 года). К обогревателю прилагалась насадка с плиткой, так что Лавкрафт обзавелся роскошью «приготовления *горячих блюд*. Больше никакой

холодной фасоли со спагетти...»³³ Получается, все девять с половиной месяцев до этого он питался только консервированной едой, даже не разогретой? Похоже, ситуация была действительно плачевной (хотя прежде Говард рассказывал, что грел фасоль на «стерно»³⁴ – воскообразном горючем веществе в консервной банке), иначе стал бы он хвалиться возможностью готовить горячие обеды?

Комната в доме номер 169 на Клинтон-стрит и правда была довольно мрачной: здание располагалось в захудалом районе и кишело грызунами, жильцы имели сомнительный вид. Чтобы справиться с грызунами, Лавкрафт по рекомендации Кирка купил несколько пятицентовых мышеловок, «чтобы не жалко было выбрасывать их вместе с вещественными доказательствами»³⁵. (Позже он нашел еще более дешевый вариант: две мышеловки за пять центов.) Брезгливость Лавкрафта вызвала насмешки, хотя, как мне кажется, довольно несправедливые. Кому захочется брать в руки трупы мышей или других вредителей? В дневнике он называет мышей «захватчиками» и иногда сокращает до «зах-ков». В сентябре в нише для купания сломался светильник, но миссис Бернс отказалась его чинить. Лавкрафт ужасно злился: «Я не могу ни искупаться, ни помыть посуду, ни почистить обувь, когда в нишу проникает лишь тусклое наружное освещение»³⁶. Проблема затянулась до самого начала 1926 года: в середине января во время приезда Сони они наконец-то вызвали электрика из магазина бытовой техники неподалеку, и тот все починил. Возможно, таким образом проявлялась неспособность Лавкрафта решать проблемы практического толка, однако миссис Бернс уверяла его, что специалист из компании «Эдисон» возьмет огромные деньги только за осмотр светильника, поэтому, наверное, он и откладывал это дело до возвращения жены.

В воскресенье двадцать четвертого мая, пока Лавкрафт спал на диване (всю ночь до этого он сочинял), кто-то проник в его нишу для переодевания из соседней квартиры и украл все его костюмы, а также некоторые другие вещи. Воры, снимавшие смежную комнату, обнаружили, что на двери, ведущей в нишу, нет засова, и стащили три костюма (купленные в 1914, 1921 и 1923 годах), пальто (то самое модное пальто, которое в 1924 году ему купила Соня), Сонин плетеный чемодан (его содержимое затем обнаружили в квартире – естественно, воришки бежали, не оплатив аренду) и дорогой радиоприемник стоимостью в сто долларов, тоже хранившийся в нише. У Лавкрафта остался только тонкий синий костюм 1918 года, висевший на стуле в комнате. Пропажу он обнаружил только во вторник двадцать шестого мая в половине второго ночи, поскольку до этого даже не заходил в нишу. Его реакция была вполне ожидаемой:

«Никак не свыкнусь с этим потрясением, с беспощадной истиной того, что у меня не осталось ни одного костюма, кроме синего летнего. Не представляю, что буду делать, если их не вернут!

...Бранюсь так, что мало не покажется! Только я начал держать вещи в порядке, чтобы выглядеть респектабельнее, как это чертово происшествие лишило меня четырех костюмов и единственного приличного пальто – минимального набора одежды для того, чтобы казаться опрятным! К Аиду это все!»³⁷

Вещи ему так и не вернули, хотя полицейский обещал сделать все возможное. Лавкрафт все-таки сумел посмотреть на случившееся с юмором и уже спустя два дня в письме к Лиллиан иронизировал по поводу этой ситуации:

«Увы, не видать мне больше нарядов моего детства, вечно прекрасных, а теперь украденных в самом расцвете первых десятилетий их жизни! Они познали стройные молодые годы, потом вмещали тучного человека средних лет, а затем в них облачался исхудалый и умудренный старик! И вот они исчезли... исчезли, а поседевший и сгорбленный носитель их по-прежнему

живет, оплакивая собственную наготу, прикрывая тощие бока длинной белой бородой вместо былых одеяний!»³⁸

К этой притворной жалобе прилагался смешной рисунок Лавкрафта, который, одетый лишь в свои волосы длиной до колен и бороду, схваченные ремнем, стоит перед магазином одежды, где костюмы стоят по тридцать пять и сорок пять долларов, а в витрине написано: «Верните мои костюмы!» Упомянув «наряды детства», Лавкрафт обыгрывает свою привычку хранить костюмы и пальто по много лет и даже десятилетий – к примеру, воры не позарились на два легких пальто 1909 и 1917 годов и на зимнее пальто 1915 года, как и на различные шляпы, перчатки, туфли и т. д. (дата приобретения не указана).

Далее его ждала пятимесячная охота за костюмами – как можно более дешевыми, но при этом элегантными. За это время Лавкрафт обошел множество магазинов с уцененными товарами и даже немного научился торговаться. Без четырех костюмов (двух светлых и двух темных, по одному каждого тона для лета и зимы) ему было не по себе. Судя по разговорам с Лонгом, Лидсом и другими, он считал, что невозможно найти хороший костюм дешевле тридцати пяти долларов, однако сдаваться не собирался. В начале июля, во время визита Сони, Лавкрафт увидел заинтересовавшую его вывеску в витрине магазина «Монро» и купил серый костюм довольно традиционного покроя за двадцать пять долларов. «В целом он обладает приятным сходством с моим самым первым костюмом с длинными брюками, купленным в „Браунинг энд Кинг“ в апреле 1904 года»³⁹.

То был летний костюм, и Лавкрафт сразу начал его носить. В октябре, когда начало холодать, он решил приобрести еще один, более плотный, костюм на зиму, а это уже задача посложнее, ведь хорошие зимние костюмы редко продавали по низкой цене. К тому же у Лавкрафта имелось два обязательных требования: чтобы костюм или пальто были однотонными, без каких-либо узоров, и чтобы было три пуговицы, хотя верхняя при этом (обычно пришитая под лацканом) никогда не использовалась. После утомительных хождений по магазинам он, к своему разочарованию, обнаружил: «В наш век, когда дома хорошо обогреваются, мужчины перестали носить плотную одежду... так что несчастной жертве домохозяйства под управлением миссис *Бернс** буквально оказали холодный прием!»⁴⁰ Зимние костюмы в «Монро» и других магазинах оказались не сильно теплее летнего, который Лавкрафт уже имел, а найти пальто с тремя пуговицами без узора было и вовсе невозможно. Говард научился тщательно осматривать ткань и покрой перед покупкой: «Все вещи стоимостью ниже тридцати пяти долларов оказывались либо тонкими и непрочными, либо спортивного фасона, либо с неподходящим узором, либо отвратительной текстуры и пошива... Такое чувство, что ткань рубили затупившимся топором или доверили резать слепцу с тупыми ножницами!»⁴¹

Наконец-то Лавкрафт нашел кое-что подходящее, только вот у пиджака было всего две пуговицы. Увидел он его в «Боро клозьерс» на Фултон-стрит в Бруклине. Говард поступил хитро: сразу сообщил продавцу, что ищет временную одежду, пока не купит что-нибудь получше, как бы намекая, что, возможно, совершит у них еще одну покупку (правда, он не упомянул, что случится это лишь спустя год или даже больше). Продавец посоветовался с управляющим и предложил Лавкрафту костюм попроще, причем всего за двадцать пять долларов. Примерив его, Говард «пришел в полный восторг», хотя и засомневался из-за отсутствия третьей пуговицы. Лавкрафт решил заглянуть в несколько других магазинов и попросил пока придержать костюм, но, как и сказал продавец в «Боро клозьерс», более выгодного варианта нигде не нашлось. Говард вернулся и купил костюм за двадцать пять долларов.

В длинном письме, где Лавкрафт описывает поиски одежды тетюшке Лиллиан, можно увидеть некоторые намеки на поведение, которое сейчас назвали бы obsessивно-компульсивным, к примеру, заикленность на обязательном наличии трех пуговиц. Позже Лавкрафт отнес пиджак к портному, чтобы подогнать его по фигуре, и тот не сохранил обрезки ткани, которые

Говард хотел отправить Лиллиан, дабы она могла оценить качество материала. В результате он собирался послать ей экспресс-почтой весь пиджак целиком. Тетушка его отговорила, а Лавкрафт затем жаловался в письме:

«...Черт подери, но *как* ты тогда узнаешь, что *именно* за костюм я купил? Мне хотелось, чтобы ты ощутила его *текстуру* – гладкую, но не очень твердую. Это качественная темная ткань без узоров, в которой светло-серые и темно-серые нити аристократично переплетаются в единое целое, и крапчатость материи можно заметить, только если внимательно приглядеться и попытаться понять, какого же она все-таки цвета: черного, темно-синего или очень темно-серого»⁴².

Лавкрафт начал называть свой новый костюм «триумфом», но вскоре пришел к выводу, что нужно купить зимний костюм подешевле, чтобы этот, приличный, не износился слишком быстро, поэтому в конце октября он снова отправился по магазинам в поисках повседневного костюма стоимостью не более пятнадцати долларов. Первым делом он посетил ряд магазинов на 14-й улице между Шестой и Седьмой авеню, которая тогда считалась – и до сих пор остается – главным районом Нью-Йорка для желающих найти одежду по сниженным ценам. Перемерив «с десяток пиджаков разной степени невыносимости», Лавкрафт нашел пиджак, который был «мятый, обвисший и запылившийся, но подходящего покроя, ткани и посадки». Продавали его со скидкой за девять долларов девяносто пять центов, однако к нему не имелось соответствующих брюк. Остались лишь три пары: одна была слишком коротка, а другие две – чересчур длинные. Продавец уговаривал Лавкрафта взять короткие брюки, а тот, напротив, хотел длинные. После долгих торгов Говард умудрился приобрести пиджак и две пары брюк, одни длинные и одни короткие, за одиннадцать долларов девяносто пять центов. Поступил он довольно умно, и уже на следующий день портной подшил пиджак и брюки по его фигуре. Этот случай Лавкрафт тоже в подробностях описал в длинном и эмоциональном послании к Лиллиан, включающем большую тираду на данную тему:

«...По-моему, в целом я научился различать одежду, подходящую для джентльмена, от той, которая ему не подходит. А отточил я это умение, глядя на мерзкие грязные толпы, наводняющие улицы Нью-Йорка: их одеяния настолько разительно отличаются от настоящих людей, прогуливающих по Энджелл-стрит, Батлер-авеню или Элмгроув-авеню, что сразу ощущаешь страшную тоску по дому и готов с жадностью наброситься на любого джентльмена, одетого прилично и со вкусом по моде бульвара Блэкстоун, а не в стиле Боро-Холл или Адской кухни... Будь оно проклято, я либо оденусь в лучших традициях Провиденса, либо накину чертов халат! Определенный покрой лацканов, текстура и посадка говорят сами за себя. Забавно, что некоторые из этих вульгарных молодых болванов и иностранцев тратят целое состояние на дорогую одежду, считая это признаком достойного похвалы вкуса, когда в действительности они заслуживают лишь порицания как с социальной, так и с эстетической точки зрения. Им не хватает только табличек с кричащими надписями: „Я необразованный деревенщина“, „Я помойная крыса-полукровка“ или „Я неотесанный мужлан с дурным вкусом“».

И к этому он со всей непосредственностью добавлял: «А все-таки, быть может, эти существа и не стараются соответствовать высшим художественным стандартам аристократии»⁴³. Далее в этом письме, в котором подтверждается неспособность Лавкрафта отрешиться от стандартов внешнего вида и поведения в обществе в целом, привитых ему с детства, можно встретить следующий трогательный отрывок:

«Во цвете лет я никогда особенно не задумывался об одежде, однако будучи человеком старым и находясь вдали от дома, я начал радоваться пустякам. С учетом моей страшной ненависти к неопрятным и плебейским одежаниям и возмутительной кражи, из-за которой я как раз был вынужден носить ненавистные мне вещи, одежда вполне оправданно стала для меня деликатной темой и останется таковой, пока я снова не приобрету четыре костюма, необходимые для лета и зимы».

И вот Лавкрафт наконец-то вновь обзавелся четырьмя костюмами и перестал об этом думать. Не во всех его письмах по данному поводу проскальзывает заикливость на проблеме одежды: вопреки бедности и лишениям он все же сохранял чувство юмора. «Старые добрые „регалы“ уже на грани впечатляющего распада»⁴⁴, – писал он в конце августа о своих туфлях, а затем с удовлетворением добавлял, что новые «регалы» модели 1921 года, приобретенные им в конце октября, «произвели сенсацию»⁴⁵ на встрече Клуба Калем.

Не имея постоянной работы, Лавкрафт мог в любое время встречаться с друзьями, а также совершать небольшие поездки. В дневнике и письмах он часто рассказывает о вылазках в парки Ван-Кортланд и Форт-Грин, в город Йонкерс и другие места. Не обходилось и без привычных прогулок по Бруклинскому мосту и колониальным улочкам Гринвич-Виллиджа. Вот как Лавкрафт провел несколько дней в начале апреля:

«В должное время я отправился [к Лонгу], замечательно отобедал, послушал потрясающий новый рассказ и стихотворение в прозе его авторства, затем вместе с ним и его мамой пошел в кинотеатр на 95-й улице, где мы посмотрели нашумевший немецкий фильм „Последний человек“... После сеанса я вернулся домой, почитал и лег спать, на следующий день встал поздно и сделал уборку в комнате перед встречей с ребятами. Первым прибыл Мортониус, следом за ним – Кляйнер с Лавмэном, потом наконец Лидс. Сонни прийти не смог, но Кирк прислал телеграмму с извинениями из Нью-Хейвена. Встреча прошла оживленно, только вот Мортон покинул нас слишком рано, чтобы успеть на последний поезд до Патерсона. Вместе с ним уехал и Лавмэн. После этого ушел Кляйнер, а мы с Лидсом поднялись наверх, чтобы поглядеть на книги и картины Кирка. Лидс засобирался в три часа ночи, и я составил ему компанию в кафе „Джонсонс“ – пили кофе и ели абрикосовый пирог. Затем домой – читать, отдыхать и встречать новый день»⁴⁶.

Кирк рассказывает об апрельской встрече с Лавкрафтом:

«Г. Ф. Л. зашел в гости и взялся за чтение, пока я пытался над картами. Сейчас он спит на кушетке, а перед ним в раскрытом виде лежит книга „Девушка-призрак“ – что не делает чести Солтусу, ее автору... Г. Ф. Л. проснулся, пробормотал: „Аверн“ – и снова погрузился в нирвану... Около полуночи мы отправились в ресторан „Тиффани“: я заказал великолепный салат с креветками и кофе, а Г. съел кусок творожного пирога и выпил две чашки кофе. За едой и чтением утренних газет мы провели примерно полтора часа...»⁴⁷

Все члены Клуба Калем, по-видимому, могли в любой момент навестить друг к другу. Например, в дневнике Лавкрафта есть странная запись от пятнадцатого-шестнадцатого марта, тема которой не развивается в письмах: Лавкрафт с Лонгом гуляли у берега вдоль шоссе Гованус, потом направились домой к Лавмэну, и Говарду, как он сам пишет, пришлось «нести Ф.

Б. Л. наверх». Сомневаюсь, что Лонг был пьян – скорее всего, просто устал после долгой прогулки.

В полночь одиннадцатого апреля Лавкрафт и Кирк сели на ночной поезд до Вашингтона на Пенсильванском вокзале (желая воспользоваться специальным экскурсионным тарифом в пять долларов) и на рассвете прибыли в столицу США. У них было время только до вечера, поэтому они решили выжать из поездки максимум. Двое коллег, Энни Тиллери Реншоу и Эдвард Л. Секрист, выступили в качестве гидов, а Реншоу даже предложила, если понадобится, повозить «туристов» на машине. Сначала Лавкрафт, Кирк и Секрист решили прогуляться пешком и осмотреть самые известные достопримечательности в центре города, в том числе Библиотеку Конгресса (Лавкрафта она не впечатлила), Капитолий (который показался ему не таким величественным, как Капитолий штата Род-Айленд с мраморным куполом), Белый дом, монумент Вашингтону, мемориал Линкольну и т. д. Затем Реншоу отвезла их в Джорджтаун, колониальный городок, основанный в 1751 году, задолго до строительства Вашингтона. Лавкрафту понравилось разнообразие домов в колониальном стиле. По мемориальному мосту Ки-бридж они доехали до Виргинии, затем через Арлингтон в Александрию, где побывали в Церкви Христа – изысканной постройке поздней георгианской эпохи (1772–1773), в стенах которой молился сам Вашингтон, и других старинных зданиях. После этого они отправились на юг к Маунт-Вернон, дому Вашингтона, однако внутрь попасть не смогли, так как в воскресенье в музее был выходной. Они поехали обратно в Арлингтон и посетили одноименное поместье семьи Кертис, рядом с которым располагалось военное кладбище с огромным Мемориальным амфитеатром, построенным в 1920 году. Лавкрафт назвал его «одним из наиболее поразительных и впечатляющих архитектурных триумфов Запада»⁴⁸. Неудивительно, что Лавкрафта так сильно впечатлил амфитеатр, ведь он напомнил ему об античности, поскольку был создан по образу Театра Диониса в Афинах и занимал невероятную площадь в три с лишним тысячи квадратных метров. Потом они вернулись в Вашингтон и осмотрели еще несколько достопримечательностей, включая Кирпичный Капитолий (1815) и здание Верховного суда США, а в 16:35 сели на поезд до Нью-Йорка.

К середине мая Лавкрафт несколько утомился от непрерывного общения. За первые четыре месяца года он практически ничего не сочинил, не считая пяти стихотворений, два из которых – «Мой любимый персонаж» (тридцать первого января) и «Primavera» (двадцать седьмого марта) – предназначались для Клуба редакторов (участникам давали задание сочинить что-нибудь на определенную тему). «Мой любимый персонаж» – это легкое и остроумное стихотворение, затрагивающее целый список вымышленных персонажей, от классики («Эсмонд, Д. Копперфильд, или Гайавата, / Или кто угодно из авторов школьной программы») до дерзкой литературы («Юрген, церковник Николас, дамы Боккаччо, / И многое из Джойса, из „Улисса“») и любых героев детства («Идолы мальчишек, непонятные мудрецам, – Фрэнк Мерриуэлл, Ник Картер и Фред Фирнот!»). Завершается стихотворение такими строками:

Что до меня, я не ученый муж,
Чтоб знать, что мне нравится да почему,
От писем и истории голова идет кругом,
Пока не выберешь что-то одно!
Любимый персонаж? Тьфу на эти книги —
Я лучше выдвину себя как кандидата!

Очень странное предзнаменование будущего, тем более что Лавкрафт и сам стал своего рода персонажем. А вот «Primavera» («Весна»), напротив, задумчивое стихотворение о природе, в котором показаны как прелести, так и ужасы естественного мира без человека:

Из утренних рощ доносится шепот,
Зов крови, что страшно услышать,
Пока тихий хор вечерней звезды
Остается восторгом с примесью страха.
И ночью, когда слетаются духи холмов,
Пылает далекое Вальпургиево пламя,
Его видит одинокий пастух в долине,
Не решаясь дать ему имя.

Из оставшихся трех стихов два не представляют особого значения: это стандартное поздравление Джонатана Э. Хога, написанное в тот раз всего за день до его дня рождения (десятого февраля), и пустяковый стишок на день рождения Сони, «К Ксантиппе» (шестнадцатого марта). Соня объясняет, откуда взялось это прозвище: «Шло время, наша переписка становилась все более личной, и я увидела в Говарде – или начала приписывать ему – мудрость и гениальность Сократа, а себя в шутку называть Ксантиппой»⁴⁹. Неизвестно, обладал ли Лавкрафт сократовской мудростью, а вот Ксантиппа, его жена, считалась женщиной сварливой – знай Соня об этом, вряд ли она решилась бы взять себе такое прозвище.

Совсем другое дело «Кошки» (пятнадцатого февраля) – последнее из этих пяти произведений. Стихотворение, состоящее из шести четверостиший, один из лучших образчиков «странной»¹ поэзии Лавкрафта. Это безумный демонический взрыв эмоций, раскрывающий страшные тайны кошачьих:

Легионы кошек в ночных аллеях
Бродят и воют в свете луны,
Возвещают о будущем криком своих демонических ртов,
Вопят о бремени красной руны Плутона.

Кстати, приятно отметить, что во всех этих стихотворениях Лавкрафт старается избегать стандартных героических двустиший.

Вот и все, что успел насочинять за то время Лавкрафт, писатель, поэт и эссеист. Он явно почувствовал, что настало время положить конец «ежедневному ничегонеделанию в гостях и кафе», к которому его вечно склоняли жившие поблизости друзья. Впрочем, Лавкрафт понимал, что безделье приведет к «смерти интеллектуальной жизни и творческих достижений»⁵⁰. Он приноровился читать в нише для переодевания, чтобы можно было выключить свет в комнате и сделать вид, будто его нет дома. Не всех друзей удавалось надуть таким образом: к примеру, с жившим наверху Кирком Лавкрафт иногда общался посредством стука по батарее, и ему приходилось откликаться на сигнал, когда Кирк точно знал, что Говард никуда не ушел. Задействовал он и еще одну хитрость: встречал гостей в халате, предварительно разложив диван и раскидав повсюду бумаги и рукописи, чтобы у друзей не было возможности надолго задержаться. Ежедневные собрания «банды» Лавкрафт пока не отменял: такое поведение показало бы чересчур странным, к тому же эти встречи ему действительно нравились.

О своем намерении Лавкрафт сообщил в письме к Лиллиан от двадцатого мая. Сокращению прогулок с друзьями поспособствовало и ограбление, случившееся двадцать пятого мая, ведь у него остался всего один выходной костюм, и он не хотел его изнашивать. Однако спустя месяц, если верить дневнику, его решимость ослабла, и Лавкрафт вновь принялся без конца бродить со своими «ребятами» по городу.

¹ «Странная», или «вирд» (от *англ. Weird*, «странный») – название жанра фантастической прозы и поэзии, воплощающей мотивы трансгрессии.

Любительскую журналистику Лавкрафт не забросил. В 1924 году не было съезда ассоциации и выборов, поэтому состав редколлегии не изменился, а Говард остался главным редактором. Во время приезда Сони (июнь – июль) он занимался подготовкой выпуска *United Amateur* за июль 1925 года, единственного при составе администрации 1924–1925 годов. Лавкрафт уже понимал, что этот журнал станет его прощанием с ОАЛП и с организованной любительской журналистикой в целом (пока в начале 1930-х годов его не привлекут к делам НАЛП), и уйти он хотел с шиком. В период с четвертого по шестое июня Лавкрафт написал несущественное хвалебное эссе «Поэзия Джона Рейвенора Буллена» о творчестве англо-канадского поэта и романиста, который, возможно, в 1920-х годах пригласил его в группу по переписке «Трансатлантический круг». Эссе, правда, вышло только в следующем номере *United Amateur* (сентябрь 1925 года), зато в выпуске за июль 1925 года полно материалов от членов «банды»: стихотворение «Arologia» Кларка Эштона Смита, небольшое эссе Фрэнка Лонга о поэзии Сэмюэла Лавмэна под названием «Пираты и гамадриады», рецензия Альфреда Галпина (под псевдонимом Консул Гастинг) на два сборника стихов Смита, а также два стихотворения Лонга, одно из которых, «Человек из Генуи», станет заглавным в сборнике, опубликованном год спустя, изящный короткий рассказ Сэмюэла Лавмэна «Нашедший сострадание» и уже привычные разделы: «Новостные заметки» (Лавкрафт), «Колонка редактора» (Лавкрафт) и «Послание председателя» (Соня).

В биографическом смысле самым интересным из этих материалов можно назвать «Послание председателя». Материал датирован шестнадцатым июня, но написан был, скорее всего, на день-два раньше, так как шестнадцатого (согласно дневнику Лавкрафта) его уже отправили в печать. Соня открыто рассказывает о том, с какими трудностями столкнулась за прошедший год:

«На меня свалились не только внешние обязанности непредвиденного масштаба, но и проблемы со здоровьем, из-за которых осенью я на некоторое время попала в больницу Бруклина, и все это безнадежно лишило меня возможности заниматься любительской журналистикой на протяжении лета 1924 года. Последствия такого перерыва оказались катастрофическими, и восстановить упущенное оказалось тяжело, особенно с учетом того, что сил и времени у меня с тех пор было не так уж много».

В колонке редактора Соня с Лавкрафтом вместе рассказывают о том, что все сообщество журналистов-любителей охватила апатия и что все чаще заходит речь об объединении ОАЛП и НАЛП с целью сохранения самого любительского движения. Оба они считали, что на такой шаг можно пойти лишь в самом крайнем случае, а по возможности ОАЛП должна оставаться отдельной организацией. В связи с этим Соня объявила, что пятнадцатого июля пройдет голосование по почте и участникам скоро разошлют бюллетени. Рассылкой, естественно, занимался Лавкрафт: третьего июля, как сообщалось в письме к Лиллиан, он разложил по конвертам и отправил двести бюллетеней (а также сам надписал все адреса)⁵¹.

Результаты голосования оказались следующими: председателем стал Эдгар Дж. Дэвис, первым заместителем председателя – Пол Ливингстон Кил, вторым заместителем – Грейс М. Бромли. Дэвис назначил главным редактором Виктора Э. Бейкона, а главой отдела общественной критики (несомненно, по рекомендации Лавкрафта) – Фрэнка Лонга. Лавкрафт тщетно надеялся, что тандем Дэвиса и Бейкона каким-то чудом спасет ОАЛП, и писал Мой:

«Не думаешь, что с такими двумя ангелами во главе у ОАЛП есть какой-никакой шанс на восстановление? У Дэвиса хорошо варит голова, а Бейкон с его неумной энергией и самомнением знает, как направить ум Дэвиса в нужное русло, – такую команду не стоит недооценивать... [У Бейкера] есть все шансы

на то, чтобы растормошить и собрать вместе „выживших“ участников – и дать отпор нынешним упадочническим настроениям... быть может, нам удастся отложить смерть ассоциации еще на годик-другой»⁵².

Следующие несколько месяцев Лавкрафт пытался сдвинуть дело с мертвой точки и побудить новое руководство к действию, хотя и с переменным успехом: в 1925–1926 годах вышло несколько тоненьких номеров *United Amateur*, однако выборы в 1926 году не проводились, и деятельность ассоциации окончательно замерла. Неизвестно, выпускались ли за этот срок какие-либо еще любительские журналы, но Лавкрафт однозначно не собирался возрождать свой *Conservative*, даже если у него нашлись бы для этого средства.

Когда Соня надолго приехала в Нью-Йорк, Лавкрафт вместе с ней совершил несколько поездок. Тринадцатого июня они вдвоем отправились в парк Скотт в городе Элизабет, а двадцать восьмого числа – в парк Брин-Маур в Йонкерсе, где за год до того собирались приобрести участок под дом. В письмах к тетушкам Лавкрафт ничего не рассказывал об этой поездке, в дневнике же лишь лаконичная запись о городке: «все так же очарователен». Вместе с Лонгом Говард снова посетил музей Клойстерс в парке Форт-Трион, на северо-западной оконечности Манхэттена.

Второго июля Соня с Лавкрафтом побывали на Кони-Айленд, где он впервые попробовал сладкую вату. В тот раз некий афроамериканец по имени Перри нарисовал портрет Сони в виде силуэта, а Лавкрафт обзавелся таким портретом еще двадцать шестого марта. В последние годы это изображение стало очень популярным благодаря тому, что выглядит оно очень достоверно (возможно, лишь чуточку приукрашено), а вот о существовании подобного портрета Сони почти никому не известно.

Шестнадцатого июля супруги отправились на прогулку по Палисадам Нью-Джерси – холмистой, поросшей лесом территории по ту сторону реки Гудзон от северной части Манхэттена. Время они провели очень приятно:

«... Мы начали зигзагообразный подъем на величественную вершину по извилистой тропинке, которая смахивала то на проселочную дорогу, то на пешеходный маршрут среди зеленеющего сумрака лесных крон, то вдруг превращалась в каменную лестницу, туннелем проходящую под проезжей частью. С вершины, до которой мы добрались приблизительно через полчаса, открывается великолепнейший вид на Гудзон и его восточное побережье. Вот так мы и бродили, выходя то к лесочку, то к травянистому лугу, то к краю пропасти, огороженной выступающими породами самой возвышенности»⁵³.

Лавкрафт попеременно читал пятицентовые брошюры Холдемана-Юлиуса и «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» Стивенсона. Говард с Соней пообедали (с собой они брали персики и сэндвичи с говяжьим языком и сыром, а уже в парке купили мороженое и лимонад), а затем направились домой – сначала на пароме, потом на метро.

Также Лавкрафт и Соня любили ходить в кино. Ее этот вид развлечений интересовал, пожалуй, больше, чем Говарда, но он тоже мог сильно увлечься фильмом, если тот соответствовал его вкусам в сфере старинного и ужасного. Тогда все фильмы еще были немыми. В сентябре Лавкрафт посмотрел «Призрака оперы»:

«...Какое зрелище! Это фильм о призраке, обитающем в здании Парижской оперы... действие развивалось так медленно, что на первой половине я пару раз задремал. Но потом началась вторая часть картины, появился истинный лик ужаса, и тут меня уже не усыпили бы никакими снотворными! Жуть! С призрака стащили маску, и нам показали его лицо... в

конец толпа сбросила его в реку, а рядом с призраком появился безымянный легион туманных *существ!*»⁵⁴

В его дневнике также есть запись от шестого октября о просмотре «Затерянного мира» (по мотивам романа Конана Дойла), но никакого соответствующего письма с рассказом об этом примечательном фильме (с выдающимися на тот момент спецэффектами, с помощью которых показали динозавров в Южной Америке) найти не удалось. Документальный фильм «По морю на кораблях» об охоте на китов в Нью-Бедфорде он ходил смотреть один. «Картина обладает невероятной исторической ценностью, поскольку в ней подробно и достоверно запечатлели отмирающий, но по-своему очаровательный этап американской жизни и приключений»⁵⁵.

Двадцать четвертого июля Соня вернулась в Кливленд, взяв с Лавкрафта обещание посетить встречу Клуба редакторов, которая должна была состояться тем вечером в Бруклине. Утром он сочинил для собрания клуба стихотворение «Год долой» – еще один довольно удачный пример *vers de société*, так называемых альбомных стихов. В нем он размышляет, где можно провести отпуск длиной в год: «Посмотрю, сколько стоит паром по Нилу / И билет на автобус до Мекки», «Проеду через весь Тибет, / Чтоб поболтать с далай-ламой», однако в конце приходит к ожидаемому выводу, что после такой воображаемой подготовки ехать на самом деле никуда не надо!

Когда Соня уехала, а дел, связанных с любительской журналистикой, больше не предвиделось, Лавкрафт решил наконец-то всерьез вернуться к творчеству. В самом начале августа он за два дня написал рассказ «Кошмар в Ред-Хуке», о котором поведал в письме к Лонгу (тот уехал на отдых): «... в нем повествуется о страшных оккультных практиках среди шумных молодых бродяг, и лежащая в основе всего этого тайна произвела на меня сильное впечатление. Рассказ получился длинным, и немного путаным, и, как мне кажется, не очень хорошим, зато это своего рода попытка извлечь ужас из атмосферы, которой обычно присущи лишь грубость и банальность»⁵⁶. Лавкрафт, к сожалению, дал верную оценку своему произведению, ведь это действительно один из самых неудачных его рассказов большого объема.

Ред-Хук – это небольшой полуостров в Бруклине примерно в трех километрах к юго-западу от Боро-Холл, выдающийся в сторону Губернаторского острова. От дома номер 169 на Клинтон-стрит туда легко можно было дойти пешком, и восьмого марта, когда Лавкрафт гулял по полуострову с Кляйнером, в его дневнике появилась лаконичная запись «Ред-Хук». Этот район трущоб до сих пор остается одним из самых гнетущих во всем Нью-Йорке. В рассказе Лавкрафт описывает его довольно точно, хотя и с ноткой предвзятости:

«Ред-Хук – это лабиринт разнородной нищеты неподалеку от старого порта, напротив Губернаторского острова. Рядом убогие дороги, берущие начало от пристаней, взбегают вверх по холму и в конце концов перетекают в обветшалые улицы Клинтон и Корт-стрит, которые ведут к Боро-Холл. Почти все дома здесь кирпичные, построенные еще в первой четверти или середине девятнадцатого века, а некоторые особенно мрачные проулки все еще хранят притягательную атмосферу, которую в литературе принято называть „диккенсовской“».

Лавкрафт, правда, немного приукрашивает район, поскольку сейчас там точно нет никаких «притягательных» проулков. Впрочем, интересует его не только материальный упадок: «Жильцы представляют собой безнадежно запутанный клубок из сирийцев, испанцев, итальянцев и негров, вторгающихся на территорию друг друга, с некоторой примесью скандинавов и американцев. Это нагромождение шума и грязи со странными воплями, раздающимися в ответ на плеск маслянистых волн у мрачных пристаней и жуткий протяжный вой портовых

свистков». В этом и заключается вся суть рассказа, ведь «Кошмар в Ред-Хуке» – не что иное как крик ярости и ненависти в адрес «иностранцев», отобравших Нью-Йорк у белых людей, которым он якобы принадлежал. Упоминание сирийцев, возможно, связано с одним из соседей Лавкрафта по Клинтон-стрит, 169, от странной музыки которого Говарду снились причудливые сны. Два года спустя он так описывал соседа: «однажды рядом со мной жил сириец, извлекавший жуткие и заунывные звуки из какой-то необычной волынки – от этой музыки мне снились всякие невероятные мерзкие существа из усыпальниц под Багдадом и бесконечные коридоры Эблиса под проклятыми луной руинами Истахра»⁵⁷. Как ни странно, такое стимулирующее воздействие на воображение пришлось Лавкрафту не по душе.

В мемуарах Соня утверждает, что ей известно, как зародилась идея рассказа: «В тот вечер он ужинал где-то в Коламбия-Хайтс – по-моему, вместе с Мортонем, Сэмом Лавмэном и Рейнхардом Кляйнером, когда в ресторан зашли несколько грубых и буйных мужчин. Его так сильно разозлило их хамское поведение, что на основе той ситуации он и придумал „Кошмар в Ред-Хуке“»⁵⁸. Быть может, Лавкрафт упоминал об этом в письме к супруге, однако я сомневаюсь, что к написанию этой истории его подтолкнул всего лишь один конкретный случай – скорее, то было общее угнетенное впечатление после полутора лет жизни в Нью-Йорке, полной нищеты и тщетности.

Сюжет «Кошмара в Ред-Хуке» довольно прост и представлен в виде обычного конфликта добра и зла между Томасом Малоуном, детективом ирландского происхождения, работающим в полицейском участке Боро-Холл, и Робертом Сайдемом, богачом из древнего голландского рода, на котором и сосредоточен весь ужас в рассказе. Поначалу Сайдем привлекает внимание тем, что «слоняется по Боро-Холл и заводит беседы со смуглыми незнакомцами опасного вида». Позже он осознает, что свою подпольную деятельность необходимо скрыть за фасадом пристойности, в связи с чем решает исправиться, перестает возиться с чужаками, чтобы родственники не признали его недееспособным, и, наконец, удачно женится на Корнелии Герритсен, «молодой женщине превосходного положения». Новость об их свадьбе занимает «целую страницу в журнале, посвященном представителям высшего общества». Во всем этом просматривается едкая сатира (непреднамеренная со стороны Лавкрафта) по поводу бессмысленности классового разделения. После церемонии гости отправляются отмечать свадьбу на борту парохода на пирсе Кунард, однако, ко всеобщему ужасу, молодоженов находят убитыми и полностью обескровленными. Представители властей следуют указаниям на листке бумаги, подписанном Сайдемом, и бездумно передают его тело подозрительной группе людей во главе с «арабом с отвратительным негритянским ртом».

Далее рассказ приобретает еще больший оттенок бульварного чтива, и мы оказываемся в подвале полуразрушенной церкви, который переделали в танцевальный зал, где отвратительного вида существа проводят страшные ритуалы в честь Лилит. Чудесным образом возрожденный Сайдем не хочет, чтобы его отдавали в жертву Лилит, и переворачивает пьедестал, на котором она лежала (в результате труп «всей своей мерзкой массой расплескивается по полу, точно разложившаяся медуза»). На этом все ужасы почему-то заканчиваются. Все это время детектив Малоун просто наблюдал за происходящим с удобной позиции, однако увиденное настолько травмировало его психику, что он еще долго восстанавливался в небольшой деревушке в Род-Айленде.

Этот рассказ поразителен не только банальным изображением сверхъестественного, но и тем, что написан он откровенно плохо. Здесь пылкие речи, безобидные и уместные в других историях, звучат вымученно и чересчур напыщенно: «Сюда проник вселенский грех и, расправленный нечестивыми обрядами, вызвал ухмыляющийся марш смерти, который был готов сгноить нас всех и превратить в таких страшных уродцев, которых не примет и могила. Сатана устроил здесь свой вавилонский двор, и прокаженные конечности фосфоресцирующей Лилит омывались в крови невинного детства». Интересно, чем бы Лавкрафт, будучи атеистом, мог

объяснить упоминание «вселенского греха» и присутствие Сатаны? Основная мысль данного отрывка, как и всего рассказа в целом, заключается в ужасе перед запленившими страну иностранцами, которые непонятно каким образом все сильнее вытесняют крепких англосаксов, основавших эту великую белую нацию. Лавкрафт не мог не закончить рассказ на строгой тяжеловесной ноте («Душа зверя вездесуща и победоносна»), вполне прозрачно намекая на то, что ужасы, которым полицейский рейд якобы положил конец, еще вернутся: в финальной сцене Малоун случайно услышал, как «смуглая косоглазая старуха» внушает что-то маленькому ребенку, произнося те же слова, которые он уже слышал ранее. Это банальная, но подходящая концовка для рассказа, в котором мы сталкиваемся с одними стереотипами – связанными как с расовыми предрассудками, так и с художественными приемами «странной» прозы.

На отсутствие оригинальности и самобытности в рассказе указывает еще и то, что всю колдовскую тарабарщину Лавкрафт позаимствовал из статей по «Магии» и «Демонологии» за авторством Э. Б. Тайлора, известного автора «Примитивной культуры» (1871) – основополагающей работы в области антропологии, – из девятого издания Британской энциклопедии, которое как раз имелось в его библиотеке. Лавкрафт сообщил об этом, не таясь, в письме к Кларку Эштону Смитту, отметив: «Хотел бы я использовать менее очевидные источники, если бы знал, где их найти»⁵⁹. Данный комментарий сам по себе представляет интерес, поскольку разом опровергает абсурдные домыслы различных оккультистов, считавших Лавкрафта человеком широкой эрудиции в области эзотерики. Для более поздних рассказов он брал информацию из «Энциклопедии оккультизма» Льюиса Спенсера (у Лавкрафта был экземпляр этой книги).

Из Британской энциклопедии в «Кошмаре в Ред-Хуке» позаимствована в том числе и латинская цитата из статьи «Демонология» средневекового автора Антуана Дельрио (или Дель Рио) «*An sint unquam daemones incubi et succubae, et an ex tali congressu proles nasci queat?*» («Существовали ли когда-нибудь демоны, инкубы и суккубы, и может ли от такого союза появиться потомство?»). Вероятно, благодаря этому отрывку Лавкрафт и стал использовать слово «суккуб» в необычной для него форме множественного числа («*succubae*», правильно: «*succubi*»), хотя на самом деле под суккубом подразумевается демон в образе женщины (тогда как демон в образе мужчины зовется «инкубом»). Из статьи о «Магии» Лавкрафт взял и заклинание, которое произносится в начале и в конце истории («О друг и соратник ночи...»), а также странный греко-еврейский заговор, обнаруженный Малоуном на стене танцевального зала в церкви. В одном из более поздних писем он привел перевод заклинания, но со множеством досадных ошибок (в энциклопедической статье перевод цитаты не указывался): к примеру, известный греческий религиозный термин «*homousion*» («одной сущности», что обычно относится к верованию в единого с Богом Христа) Лавкрафт перевел как «устаревший вариант или сложное слово, включающее в себя греческий корень „*Homou*“, что значит „вместе“»⁶⁰.

С автобиографической точки зрения интерес представляет и фигура Малоуна. Мы вовсе не утверждаем, что этот персонаж списан с самого Лавкрафта, – напротив, некоторые особенности (довольно поверхностные) взяты у его главных литературных наставников, а именно Мэкена и Дансени. По сюжету Малоун – ирландец, и одно это уже связывает его с Дансени, однако в рассказе также утверждается, что он «родился на вилле георгианской эпохи близ Феникс-парка», а Дансени появился на свет не в Ирландии, а в Лондоне – в доме номер 15 по Парк-сквер, неподалеку от Риджентс-парка. Зато вера Малоуна в мистицизм – это уже дань уважения Мэкену. Пожалуй, Лавкрафт воображал, будто наделяет Нью-Йорк той же жуткой атмосферой колдовства, которой Мэкен наделил Лондон в «Трех самозванцах» и других работах.

Малоун представляет интерес еще и по другой причине, связанной с вероятной задумкой или специфичной формой рассказа. Еще до написания «Кошмара в Ред-Хуке» Лавкрафт отправлял «Заброшенный дом» в журнал *Detective Tales*, основанный одновременно с *Weird Tales*. Редактором обоих изданий был Эдвин Бейрд. Возможно, Лавкрафту казалось, что Илай-

хью Уиппл, герой «Заброшенного дома», сойдет за детектива и рассказ опубликуют. И хотя в *Detective Tales* периодически появлялись рассказы в жанре ужасов и сверхъестественного, Лавкрафту Бейрд отказал⁶¹. Ближе к концу июля Лавкрафт упоминал о том, что пишет «роман или повесть о салемиких ужасах, которую я, пожалуй, смогу продать Эдвину Бейрду в *Detective Tales*, если добавлю в нее „детективности“»⁶², однако о начале работы над подобным произведением он далее не упоминает. Судя по всему, Лавкрафт пытался (правда, не очень удачно) освоить «альтернативный рынок» и надеялся, что в этом ему поможет редактор *Weird Tales*, принимавший все его работы в тот журнал. Разумеется, в начале августа Говард начал задумываться о том, чтобы отправить «Кошмар в Ред-Хуке» в *Detective Tales*⁶³, однако непонятно, осуществил ли он свой замысел. Если рассказ и был отправлен, его однозначно отвергли. Позже Лавкрафт отмечал, что писал «Кошмар в Ред-Хуке» специально для *Weird Tales*⁶⁴, и произведение все-таки вышло в январском номере журнала за 1927 год. При этом персонаж Малоуна, наиболее похожий на истинного детектива среди всех прежних – да и будущих тоже – героев Лавкрафта, вполне вероятно, отчасти создавался с прицелом на *Detective Tales*.

В остальном «Кошмар в Ред-Хуке» интересен лишь описаниями бруклинского колорита, знакомого Лавкрафту благодаря более близкому знакомству с районом. Танцевальный зал в церкви, скорее всего, списан с реально существовавшей церкви (уже снесенной) на набережной в Ред-Хуке. И в этой церкви, очевидно, некогда тоже располагался танцзал⁶⁵. Сайдем живет на улице Мартенс (совсем недалеко от Парк-авеню, 259), рядом с Нидерландской реформатской церковью (вдохновившей Говарда на рассказ «Пес»), где «за чугунной оградой торчали голландские надгробные камни». Трудно сказать, имел ли Лавкрафт в виду какой-то конкретный дом: по описанию мне не удалось найти ни одно подходящее здание на улице Мартенс. Еще одну отсылку, не связанную с топографией, можно найти в описании жутких обитателей Ред-Хука, монголоидной расы родом из Курдистана – «и Малоун не мог не вспомнить, что Курдистан – это родина езидов, единственных потомков персидских беспоклонников». Полагаю, данная информация позаимствована из замечательного рассказа «Незнакомец из Курдистана» Э. Хоффмана Прайса, опубликованного в *Weird Tales* за июль 1925 года. В этом произведении как раз упоминаются сатанисты-езиды. Впрочем, до личного знакомства Лавкрафта с Прайсом на тот момент оставалось еще семь лет.

Анализируя «Кошмар в Ред-Хуке», неплохо было бы обсудить развитие (если так можно выразиться) расовых предрассудков Лавкрафта в данный период. В то время его расистские взгляды достигли апогея. Как я уже отмечал, брак антисемита Лавкрафта с еврейкой вовсе не парадоксален, так как Соня выполнила необходимое требование в соответствии с его представлениями о жизни иностранцев за рубежом – она ассимилировалась с местным населением и стала американкой, как и многие другие евреи, включая Сэмюэла Лавмэна. Тем не менее Соня подробно рассказывала о позиции Лавкрафта по этому вопросу. Вот одно из ее самых известных заявлений: «Хотя однажды он сказал, что любит Нью-Йорк и будет считать его „вторым родным штатом“, вскоре я узнала, что на самом деле он ненавидит этот город вместе с его „полчищами чужаков“. Когда я возразила, что тоже отношусь к этим чужакам, он ответил: „Теперь ты не одна из этих полукровок. *Теперь ты миссис Г. Ф. Лавкрафт с Энджелл-стрит, 598, в Провиденсе, штат Род-Айленд!*“»⁶⁶ И это при том, что Лавкрафт и Соня никогда вместе не проживали в его родном доме. Еще более показателен следующий комментарий, сделанный позднее: «Вскоре после бракосочетания он сказал, что, когда мы будем приглашать к себе гостей, большинство из них должны быть „арийцами“»⁶⁷. По-видимому, эта фраза относится к 1924 году, поскольку в 1925-м гостей они практически не принимали. Последнее заявление Сони на эту тему и вовсе избыточно. По ее словам, в 1922 году она стремилась познакомиться Лавкрафта с Лавмэном, чтобы «излечить» Говарда от предубеждений против евреев с помощью личной встречи с одним из них. Далее она рассказывает:

«Жаль, что некоторые зачастую судят весь народ по характеру лишь одного его представителя. Однако Г. Ф. заверял меня, будто он „излечился“ и, так как я хорошо приспособилась к американскому образу жизни и обстановке, наш брак будет успешным. К несчастью (и сейчас я приведу пример, о котором никого не хотела ставить в известность), сталкиваясь с толпами людей, в основном рабочими из национальных меньшинств, будь то в метро или в обеденный час на улицах Бруклина, он каждый раз закипал от ярости»⁶⁸.

В письме к Уинфилду Таунли Скотту Соня дает еще более подробный комментарий:

«Я повторяю и клятвенно заявляю, что он *закипал от ярости* при виде большого количества иностранцев, особенно когда в обеденный перерыв они высыпали на улицы Нью-Йорка. Стараясь унять вспышки его гнева, я говорила: „Ты не обязан их любить, но и в такой безумной ненависти нет ничего хорошего“. На что он отозвался так: „Знать, что ты ненавидишь, важнее, чем знать, что любишь“»⁶⁹.

Опять же, в то время в его словах не было ничего удивительного, однако с учетом современных реалий такое отношение кажется пугающим. И все же несмотря на предположения Л. Спрэга де Кампа, прежнего биографа Лавкрафта, в письмах Говарда к его тетюшкам за тот период крайне редко встречаются упоминания чужестранцев. В одном печально известном отрывке повествуется о приуроченной к четвертому июля поездке Сони и Лавкрафта в Пелем-Бей – огромный парк на северо-восточной оконечности Бронкса: «...мы возлагали большие надежды на этот парк, думая, что окажемся в уединенной сельской местности. Однако нас ждало разочарование. О Боги Пеганы, какое скопление людей! И это еще не самое страшное... готов поклясться – и пусть меня пристрелят, ежели я не прав, – что три четверти, нет, скорее, девяносто процентов присутствовавших составляли мерзкие тучные нигтеры, которые без конца ухмылялись и болтали!»⁷⁰ Интересно отметить, что они оба решили побыстрее уйти из парка – возможно, на тот момент и сама Соня еще не освободилась от расовых предрассудков, хотя в мемуарах утверждает обратное. В длинном письме, которое относится к началу января, в подробностях рассказывается о невозможности евреев приспособиться к американской жизни, ведь «больше всего вреда наносят идеалисты, вселяющие в людей веру в подобное слияние, которому не суждено случиться». Добавив, что «большинство семитских наций чисто физически вызывают у нас отвращение до дрожи»⁷¹ («у нас» здесь звучит как интересная риторическая уловка), Лавкрафт косвенным образом взглянул в самую суть этой проблемы: самым неприятным в иностранцах (или, в более широком смысле, людях «неарийской» расы, поскольку многие представители меньшинств в Нью-Йорке были иммигрантами уже в первом или втором поколении) он считал их странный внешний вид.

В этой связи необходимо сказать пару слов в защиту Лавкрафта. Хотя подробнее о его расистских убеждениях мы поговорим немного позже (он попытался найти более универсальное философское и культурное оправдание конкретно своим взглядам лишь в начале 1930-х годов), стоит сообщить, что вышеупомянутое длинное письмо о евреях было единственным в своем роде среди всей переписки Говарда с Лиллиан и даже в поздние годы ничего подобного в корреспонденции не встречалось. К тому же Лиллиан, по-видимому, и сама высказывала по этому поводу некоторые замечания, опасаясь, вероятно, что Лавкрафт позволит себе словесные или физические нападки в адрес евреев или других ненормальных рас, так как в конце марта Лавкрафт писал: «Между прочим, не волнуйся, что моя раздражительность по отношению к нью-йоркским чужестранцам способна принять форму оскорбительной беседы. Я прекрасно понимаю, когда и где можно обсуждать вопросы социального и этнического толка, и

наша компания еще не была замечена в неподобающем поведении или чрезмерном высказывании своего мнения».⁷²

Сторонники Лавкрафта выстраивают собственную защиту именно на основании этого последнего утверждения. Как утверждал Фрэнк Лонг: «Во время наших долгих прогулок по улицам Нью-Йорка и Провиденса я не слышал от него ни одной уничижительной ремарки о каком-либо представителе национальных меньшинств, проходивших мимо или вступавших с ним в беседу, даже если это был человек другой культуры и расы»⁷³. Эти слова противоречат заявлениям Сони, хотя, пожалуй, данному факту можно найти простое объяснение: Лавкрафту казалось невежливым говорить о таком в присутствии Лонга. Впрочем, в январском письме к Лиллиан Говард сообщал:

«Составить компанию нормальному консервативному американцу могут лишь другие нормальные консервативные американцы – из хорошей семьи и традиционного воспитания. Поэтому Белнэп, наверное, единственный из всей банды, кто ничуть меня не раздражает. Он *нормальный*, он естественно реагирует на мои давние воспоминания и рассказы о жизни в Провиденсе и предстает вполне реальным человеком, а не двухмерной тенью-наваждением, что свойственно людям богемы»⁷⁴.

Лонгу вряд ли было бы приятно услышать такой комплимент. В любом случае если обратиться к ошеломительному высказыванию, сделанному шесть лет спустя, то можно сделать вывод, что Лавкрафт не только осуждал иностранцев в письмах, но и задумывался о более серьезных действиях, направленных против них: «Население [Нью-Йорка] – это стадо полукровок, среди которых особенно выделяются численностью отвратительные монголоидные евреи, и со временем так невыносимо устаешь от этих грубых лиц и дурных манер, что хочется врезать каждому из чертовых ублюдков, что попадают на глаза»⁷⁵. Тем не менее именно предполагаемое отсутствие оскорбительного поведения, как словесного, так и физического, со стороны Лавкрафта по отношению к людям неарийской расы лежит в основе высказываний Дирка В. Мосига в защиту Говарда. Взяты они из письма Мосига к Лонгу и цитировались Лонгом в его мемуарах. Мосиг приводит три смягчающих обстоятельства:

1) «...в первой трети двадцатого века слово „расист“ имело совсем другой смысловой оттенок по сравнению с тем, что оно значит в наши дни»;

2) «Лавкрафта, как и многих других, стоит судить по его поведению, а не по личным заявлениям, которыми он никого не хотел задеть»;

3) «В переписке с разными людьми Г. Ф. Л. показывал разные стороны личности... Вполне возможно, что... перед тетушками он предстал таким, каким те хотели его видеть, и что некоторые из его „расистских“ заявлений были сделаны лишь из желания угодить старшему поколению, а не потому что он действительно разделял подобные взгляды»⁷⁶.

Боюсь, ни одно из этих рассуждений в защиту Лавкрафта не имеет большого значения. Конечно, после Второй мировой войны понятие «расизм» приобрело другие, более зловещие коннотации, однако позже я еще отмечу, что в интеллектуальном плане взгляды Лавкрафта, уверенного в биологической неполноценности черных, абсолютной неспособности различных этнических групп к культурной ассимиляции, а также в расово-культурном единстве разных рас, национальностей и культурных общностей, были отсталыми. Убеждения Лавкрафта стоит сравнивать не с общей массой его современников (откровенными расистами, коих много и наши дни), а с продвинутой интеллигенцией, для большинства представителей которой вопрос расы вообще считался несущественным. Несомненно, все мы понимаем, что поведение важнее высказываний, и все же Лавкрафт не перестает быть расистом лишь потому, что он ни разу не оскорбил еврея в личном разговоре и не ударил чернокожего бейсбольной битой. Концеп-

ция «частных высказываний» затрагивает и третье утверждение Мосига, согласно которому Говард писал тетушкам только то, что те хотели услышать, хотя и этот аргумент легко опровергнуть человеку, систематически изучающему переписку автора. На длинную тираду о евреях из письма за январь 1926 года Лавкрафта спровоцировали не слова Лиллиан, а присланная ею вырезка из газеты, посвященная расовому происхождению Иисуса. Скорее всего, и Лиллиан, и Энни, будучи старомодными уроженками Новой Англии, соглашались с заявлениями племянника и вообще разделяли его взгляды по этому вопросу, однако по замечаниям Лиллиан, на которые он откликнулся в конце марта, можно понять, что у нее расовые проблемы не вызвали такой яростной реакции.

И, конечно же, враждебность Лавкрафта лишь усиливалась из-за проблем с душевным здоровьем, вызванных тем, что он влачил существование в малознакомом недружелюбном городе, где был чужаком и не мог найти постоянную работу и комфортное жилье. Иностранцев удобно было считать козлами отпущения, тем более что Нью-Йорк, уже тогда считавшийся невероятно космополитичным и культурно разнообразным городом США, сильно отличался от единообразной и консервативной Новой Англии, где Говард прожил первые тридцать четыре года своей жизни. Город, прежде казавшийся таким источником магии и чудес в духе Дансени, превратился в грязное, шумное, перенаселенное местечко, постоянно наносившее удары по его самолюбию из-за отказов в работе, несмотря на его способности. Нью-Йорк заставлял Лавкрафта отсиживаться в убогой дыре, кишашей мышами и преступниками, поэтому неудивительно, что его гнев и отчаяние находили выход только в расистских историях наподобие «Кошмара в Ред-Хуке».

Однако Лавкрафт не переставал творить. Через восемь дней после написания этого рассказа, а именно десятого августа, он отправился на вечернюю прогулку, долгую и одинокую: через Гринвич-Виллидж к Бэттери и затем на паром до Элизабет, куда он прибыл в семь утра. В магазине он купил чистую тетрадь за десять центов, устроился в Скотт-Парке и сочинил рассказ:

«Идеи захлестнули меня, чего не случалось уже много лет, и солнечный пейзаж плавно перетек в страшную полуночную историю фиолетово-красных тонов, историю о таинственных ужасах на запутанных старинных улочках Гринвич-Виллидж, куда я добавил немало поэтических описаний, а также ощущение бесконечного ужаса человека, который приезжает в Нью-Йорк, желая увидеть сказочный цветок из камня и мрамора, но находит лишь изъеденный паразитами труп – чужой мертвый город, не имеющий ничего общего ни с собственным прошлым, ни с американской культурой в целом. Этот рассказ я назвал „Он“...»⁷⁷

Интересно отметить, что Лавкрафту пришлось уехать из Нью-Йорка, чтобы о нем написать. Согласно записям в дневнике, впервые он побывал в Скотт-Парке тринадцатого июня и после этого стал часто туда наведываться. В вышеупомянутом описании заметны автобиографические детали (так оно и задумывалось), и рассказ «Он», значительно превосходящий «Кошмар в Ред-Хуке», общепризнанно считается не менее душераздирающим в своем отчаянии творением, чем его предшественник. Начало истории впечатляет:

«Я увидел его бессонной ночью, когда бродил по городу, безнадежно стремясь спасти свою душу и мечты. Приехать в Нью-Йорк было ошибкой. Среди переполненных лабиринтов старинных улочек, что, переплетаясь, выбегали из заброшенных дворов, площадей и причалов и терялись в таких же заброшенных дворах, площадях и причалах или меж громадных небоскребов, мрачно высящихся под луной, я надеялся найти необычайные чудеса и

вдохновение. Вместо этого я обнаружил лишь ужас и подавленность, которые грозили подчинить, парализовать и уничтожить меня».

Даже не зная деталей биографии Лавкрафта, можно прочувствовать силу этого отрывка, однако мы видим, как в нем отражается душевное состояние самого автора. Далее рассказчик говорит о том, как блестящие башни Нью-Йорка поначалу пленили его, но:

«Там, где луна намекала на очарование и древнюю магию, ослепительные дневные лучи освещали только запустение, отчужденность и губительные размеры расползающихся ввысь каменных стен. Похожие на ущелья улицы охватывали толпы людей, коренастых смуглых незнакомцев с суровыми лицами и узкими глазами, злобных незнакомцев, лишенных мечтаний и ничем не связанных с происходящим вокруг. Они не имели никакого значения для голубоглазых представителей прежних поколений, всем сердцем обожающих зеленые тропинки и белые деревенские башенки Новой Англии».

Вот так Лавкрафт представлял социальный строй Нью-Йорка: наводнившие город иммигранты действительно никак с ним не связаны, так как основали его голландцы и англичане, а у чужестранцев совсем иное культурное наследие. С помощью данного софизма Лавкрафт приходит к выводу, что «этот город камней и свиста нельзя назвать продолжением старого Нью-Йорка, в отличие от Лондона и Парижа, многое унаследовавших от своих древних предшественников. На самом деле город просто мертв, а его распростертое тело неумело забальзамировано и заражено странными существами, которые не имеют с ним ничего общего, хотя при его жизни все было иначе». Получается, иммигрантов он считал кем-то вроде червей.

Так почему же рассказчик не уезжает подальше от этого города? Он немного успокаивается, бродя по старым районам, хотя оправдывает свою нерешимость по поводу отъезда лишь следующими словами: «Я... не приполз обратно домой, дабы никто не пристыдил меня за поражение». Трудно сказать, насколько точно в этих словах отражаются чувства самого Лавкрафта, но позже мы еще вернемся к этому отрывку и поговорим о том, как на него отреагировала Соня.

Рассказчик, как и Лавкрафт, тоже приезжает в Гринвич-Виллидж и именно здесь в августе, в два часа ночи, встречает «того самого человека» – тот изъясняется причудливыми устаревшими фразами, да и одет довольно старомодно, так что рассказчик принимает его за безобидного чудака. Чудак же тот сразу чувствует в своем собеседнике такого же любителя старины, как и он сам. Человек ведет его по старым улочкам и дворам, и наконец они приходят к «увитой плющом стене дома», где и живет незнакомец. Имел ли автор в виду какое-то конкретное место? В конце истории рассказчик стоит «у входа в маленький черный дворик близ Перри-стрит», и это сразу указывает, что данный отрывок вдохновлен схожей прогулкой Лавкрафта, которую он совершил двадцать девятого августа 1924 года. «Уединенная колониальная экскурсия» как раз привела его к Перри-стрит, «где я выискивал безымянный затаившийся дворик, восхвалявшийся в тот день в *Evening Post*... Я без труда его нашел и еще больше им восхитился, потому что уже видел в газете. Эти затерянные улочки древнего города просто очаровательны...»⁷⁸ Лавкрафт имеет в виду статью из *New York Evening Post* за двадцать девятое августа, вышедшую в колонке «Городские зарисовки». В статье имелся карандашный рисунок «затерянного переулка» на Перри-стрит и его краткое описание: «Все связанное с ним теперь утеряно – и название, и страна, и все опознавательные знаки. Его самая выдающаяся черта, а именно старая масляная лампа, висящая над кривыми ступенями, выглядит здесь совершенно неуместно, будто попала сюда с Острова потерянных кораблей после давнего кораблекрушения»⁷⁹. Описание и правда заманчивое – неудивительно, что Лавкрафт сразу же отправился на поиски местечка. По его словам, он легко обнаружил этот переулок. Благодаря рисунку и упомянутым в статье деталям (о том, что переулок находится на Перри-стрит за улицей Бли-

кер) становится ясно, что речь идет о нынешнем доме номер 93 на Перри-стрит, арка в котором ведет к переулку между тремя зданиями, до сих пор очень похожему на описание из той статьи. Более того, согласно исторической монографии, посвященной Перри-стрит, когда-то этот район населяли индейцы (они называли его Сапоханикан), а в период между 1726 и 1744 годами в квартале, ограниченном улицами Перри, Чарльз, Бликер и Западной Четвертой, был построен роскошный особняк, в котором обитали богатые жители города, пока в 1865 году его не снесли⁸⁰. Лавкрафт наверняка кое-что знал об истории этого района и умело включил детали в рассказ.

Однако для логики рассказа важно, что дом найти не так уж легко. Незнакомец специально запутывал рассказчика, водил его кругами, и в какой-то момент оба «ползли на четвереньках по низкому каменному проходу, такому длинному и извилистому, что я совершенно перестал ориентироваться в пространстве». Это действие важно для фантазийного элемента в истории, топография которой во всем остальном на редкость реалистична.

Есть здесь и поразительная автобиографическая деталь. В начале августа 1924 года во время поездки по колониальным достопримечательностям Гринвич-Виллидж Соня с Лавкрафтом действительно встретили пожилого мужчину, показавшего им некоторые скрытые от глаз места. Лавкрафт рассказывает об этом так:

«Завязав в процессе вышеупомянутой прогулки беседу с красноречивым джентльменом, мы многое узнали об истории района, например, что первые дома на Миллиган-Корт появились в конце восемнадцатого века и построила их методистская церковь для небогатых, но уважаемых семей прихода. Продолжая свой рассказ, наш дружелюбный Наставник привел нас к вроде бы ничем не примечательной двери в одном из дворики, а затем мы прошли через темный коридор к заднему входу. Мы даже не представляли, куда он нас ведет, но открывшаяся нам картина была поразительна. За той дверью, отрезанный от мира глухими стенами и фасадами домов, скрывался *еще один то ли двор, то ли переулок*, увитый растительностью, а с южной стороны тянулся ряд простых колониальных дверных проемов и окошек с мелкой расстекловкой!!.. Наслаждаешься этим захватывающим фрагментом прошлого, и в воображении всплывают бесконечные идеи для странных историй...»⁸¹

Поразительное сходство с блужданиями рассказчика, попавшего в истории «Он» в потайной дворик, пусть даже на четвереньках они и не ползали. А «идеи для странных историй» Лавкрафт, несомненно, унес оттуда с собой, хотя применение им нашел лишь спустя год.

В особняке мужчина начинает рассказывать об одном из своих «предков», который занимался неким колдовством, а научили его этому жившие в том районе индейцы. Позже он взял и отравил их, напоив испорченным ромом, так что добытой у них секретной информацией теперь владел только он. Какова же природа этих знаний? Мужчина подводит рассказчика к окну, сдвигает шторы, и взору волшебным образом открывается идиллический сельский пейзаж – естественно, это Гринвич образца восемнадцатого века. Рассказчик ошеломленно спрашивает: «И далеко ли вы можете – и осмеливаетесь – дойти?» Его собеседник с презрением задвигает шторы и на этот раз показывает ему картину будущего:

«Я увидел, как в небе летают непонятные существа, а внизу под ними раскинулся отвратительный мрачный город, где полно громадных каменных башен и нечестивых пирамид, яростно стремящихся ввысь, к луне. В бесконечных окнах сияли дьявольские огни. И, с ужасом глядя на все зависшее в воздухе, я заметил жителей этого города, желтокожих и косоглазых. Они были одеты в мерзкие оранжево-красные платья и безумно плясали под лихорадочный бой барабанов, непристойный грохот ударных и сумасшедший

стон приглушенных труб, чьи неустанные завывания то нарастали, то спадали, будто грешные волны асфальтового океана».

Конечно, и здесь присутствует доля расизма – под «желтокожими и косоглазыми» жителями Лавкрафт, скорее всего, имел в виду азиатов, которые, вероятно, либо просто захватили город, либо (что, по мнению Лавкрафта, еще хуже) проникли в него путем кровосмешения с белыми, однако образ в любом случае получился мощным. Подозреваю, что эту идею он взял из плутовского романа Лорда Дансени «Дон Родригес, или Хроники Тенистой Долины» (1922), в котором Родригес вместе со спутником совершает нелегкий подъем в гору, чтобы добраться до дома волшебника, где в окнах попеременно показываются картины прошлых и будущих войн (в том числе и ужасы Первой мировой войны, далекие от средневекового периода, в котором происходят события романа)⁸².

Если бы на этом Лавкрафт и закончил, рассказ получился бы удачным, однако он опрометчиво добавил концовку в духе бульварных романов: духи убитых индейцев явились в виде черной слизи и унесли с собой старика (который, естественно, и оказался тем самым «предком»), а рассказчик нелепым образом провалился через несколько этажей здания и попал на Перри-стрит. Лишь спустя несколько лет Лавкрафт научится сдерживать себя и не «украшать» произведения подобными банальностями.

Заключительные строки рассказа также интересны с автобиографической точки зрения: «Куда он исчез, мне неизвестно, а сам я отправился домой к чистым новоанглийским улочкам, где по вечерам дует ароматный ветер с моря». Томаса Малоуна из «Кошмара в Ред-Хуке» послали в отпуск в Чепачет, штат Род-Айленд, чтобы он оправился от перенесенного шока, здесь же рассказчик навсегда возвращается в собственный дом, и это крайне жалкий пример счастливого конца. Тем не менее рассказ «Он» нельзя не считать очень мощной историей – тут и мрачная задумчивая проза, и апокалиптические видения безумного будущего, и мучительный крик души самого Лавкрафта.

В начале октября Фарнсуорт Райт взял рассказ в журнал (вместе с «Кошками Ултара»), и «Он» появился в *Weird Tales* за сентябрь 1926 года. Как ни странно, на тот момент Лавкрафт еще не отправил Райту «Заброшенный дом», а когда это все-таки произошло (вероятнее всего, в начале сентября), в публикации было отказано: Райт считал, что завязка истории слишком затянута⁸³. Лавкрафт никак не прокомментировал случившееся, хотя до этого в *Weird Tales* принимали все его произведения, да и Фарнсуорт отказал ему в первый раз (правда, далеко не в последний). Говард упоминал о том, что перепечатал для Райта несколько более ранних рассказов и отправил одну партию в конце сентября, а вторую – в начале октября. Райт также хотел издать сборник историй из *Weird Tales*, куда вошел бы рассказ «Крысы в стенах»⁸⁴, но из этой затеи ничего не вышло. Одна книга все же увидела свет – это был сборник «Лунный ужас» с произведениями А. Г. Бирча, Энтони М. Рада, Винсента Старретта и самого Райта (из ранних номеров *Weird Tales*), опубликованный издательством «Попьюлар фикшн». С коммерческой точки зрения задумка провалилась, поэтому больше никто не брался издавать подобные книги.

На одном только рассказе «Он» Лавкрафт не остановился. В среду, двенадцатого августа, встреча Клуба Калем продлилась до четырех утра, после чего Лавкрафт сразу отправился домой и набросал «сюжет для нового рассказа... или, возможно, повести» под заголовком «Зов Ктулху»⁸⁵. Хотя он с уверенностью заявлял, что «написать саму историю теперь уже будет нетрудно», одно из важнейших в его творчестве произведений появится лишь через год. Немного грустно наблюдать за попытками Лавкрафта оправдаться перед Лиллиан за постоянное отсутствие работы: он предполагал, что такой длинный рассказ «обязательно принесет ему достойную оплату»; прежде почти то же самое он говорил про задумку повести или романа о Салеме: «Если его примут, то я получу неплохую сумму»⁸⁶. Складывается впечатление, что

Лавкрафт отчаянно старался убедить Лиллиан в том, что не проматывает ее (и Сонины) деньги, несмотря на безработицу и регулярные посиделки в кафе с «ребятами».

В августе Ч. У. Смит, редактор *Tryout*, подкинул Лавкрафту еще одну идею для сюжета, которую Говард изложил в письме к Кларку Эштону Смиту: «...гробовщик оказывается заперт в деревенском склепе, когда по весне начинает выносить накопившиеся за зиму гробы для захоронения, и чтобы дотянуться до окошка и выбраться, он ставит гробы один поверх другого»⁸⁷. Звучит не очень многообещающе, и поскольку в тот период Лавкрафт все же решился написать этот рассказ, пусть даже с добавлением элемента сверхъестественного, можно сделать вывод о том, что в атмосфере Нью-Йорка его воображение отчасти истощилось. Написанный восемнадцатого сентября «В склепе» уступает рассказу «Он», но при этом он не так плох, как «Кошмар в Ред-Хуке». Он просто посредственный.

Джордж Берч – небрежный и толстокожий гробовщик из Пек-Вэлли, вымышленного городка где-то в Новой Англии. Однажды он оказывается заперт в склепе, где хранятся гробы для весеннего погребения (зимой земля слишком твердая): дверь захлопнулась от ветра, и ржавую щеколду заклинило. Берч понимает, что есть только один способ выбраться из склепа – сложить восемь гробов друг на друга пирамидой и вылезти через фрамугу. Хотя двигаться он вынужден в темноте, Берч уверен, что поставил гробы как можно более устойчиво и что на самый верх он поместил крепкий гроб низкорослого Мэтью Феннера, а не тот хлипкий, что предназначался для Феннера, но куда он все-таки положил высокого мужчину по имени Асаф Соьер – мстительного человека, который при жизни никогда Берчу не нравился. Поднявшись на «миниатюрную Вавилонскую башню», Берч видит, что ему нужно выбить несколько кирпичей вокруг фрамуги, иначе не пролезть. В процессе он проваливается ногами внутрь верхнего гроба с его гниющим содержимым. Берч вдруг чувствует сильную боль в лодыжках и думает, что, скорее всего, зацепился за расшатанные гвозди или посадил занозу, но ему все же удастся выбраться наружу. Идти он не в силах, так как его пяточные сухожилия перерезаны. Берч доползает до кладбищенской сторожки, и его спасают.

Позже доктор Дэвис с тревогой осматривает его повреждения и отправляется в склеп, где узнает всю правду: Асаф Соьер не умещался в гроб Мэтью Феннера, поэтому Берч, недолго думая, отрезал ему стопы. Правда, он не ожидал, что Асаф сумеет отомстить. Раны на щиколотках Берча – это следы от зубов.

Получилась банальная история о сверхъестественной мести в духе «око за око». Кларк Эштон Смит доброжелательно отмечал, что «В рассказе „В склепе“... чувствуется реалистичная мрачность Бирса»⁸⁸. Да, возможно, он и написан под влиянием этого автора, однако сам Бирс ничего настолько простого не сочинял. Лавкрафт пытается работать в более грубом, разговорном стиле и даже хитроумно заявляет: «Даже не знаю, с чего начать повествование о Берче, ведь я не мастер рассказывать истории», но успеха не добивается. И все же этот рассказ очень нравился Августу Дерлету, поэтому его можно найти во многих сборниках «лучших» произведений Лавкрафта.

Сразу после написания рассказ ждала не самая приятная судьба. Лавкрафт посвятил его Ч. У. Смит, «который подсказал основную задумку», и история появилась в журнале Смита *Tryout* за ноябрь 1925 года. Тогда он в последний раз разрешил опубликовать новый рассказ (еще не получивший отказ в профессиональных изданиях) в любительском журнале. Лавкрафт, конечно, пытался пристроить «В склепе» в тот же *Weird Tales*, куда он в принципе неплохо подходил благодаря малому объему и мрачной атмосфере, однако в ноябре Райт его отверг. Причину отказа Лавкрафт посчитал довольно любопытной: «настолько жуткий, что не пройдет цензуру в Индиане»⁸⁹. Как поясняет Лавкрафт в более позднем письме, редактор намекает на рассказ Эдди «Возлюбленные мертвецы», который был запрещен: «Отказ Райта [напечатать „В склепе“] был полной бессмыслицей – сомневаюсь, что он вызвал бы возражения

каких-либо цензоров, но после того, как сенат штата Индиана запретил „Возлюбленных мертвецов“ бедняги Эдди, Райт без конца паникует по поводу цензуры»⁹⁰. Тогда шумиха вокруг рассказа «Возлюбленные мертвецы» (которая, возможно, в 1924 году помогла «спасти» *Weird Tales*) в первый, но отнюдь не в последний раз негативно сказалась на Лавкрафте.

Впрочем, Говард получил от Райта и хорошую новость. Судя по всему, Лавкрафт прислал ему на оценку рассказ «Изгой», который уже пообещал для журнала У. Пола Кука *Recluse*, задуманного примерно в сентябре⁹¹. Это произведение так сильно понравилось Райту, что он начал выпрашивать у Лавкрафта разрешение на ее публикацию. Говард сумел договориться с Куком, и где-то к концу года Райт принял рассказ в *Weird Tales*. «Изгой» вышел в номере за апрель 1926 год и стал знаковым событием.

Остаток года Лавкрафт занимался различными мероприятиями, связанными с Клубом Калем, принимал гостей из других городов и в поисках чудесных старинных местечек совершал поездки в одиночку. К тому времени он уже успел повидаться с некоторыми знакомыми: в апреле на несколько дней приезжал Джон Рассел, его бывший враг по *Argosy*, ставший близким другом, а в начале июня на пару дней заглянул Альберт А. Сэндаски. Восемнадцатого августа приехала супруга Альфреда Галпина, француженка, на которой тот женился годом ранее, пока жил в Париже и изучал музыку. Уже двадцатого числа она направилась в Кливленд. Соня на тот момент тоже была в Нью-Йорке, так что вместе с Говардом они сводили гостью в ресторан и в театр, после чего вернулись на Клинтон-стрит, 169, где миссис Галпин согласилась снять комнату на время пребывания в городе. Однако на следующее утро она пожаловалась на клопов и к вечеру перебралась в гостиницу Броссерт на улице Монтегю. Правда, в тот день она вместе с Соней пришла на встречу Клуба Калем: видимо, ради присутствия иностранной гостьи пришлось пожертвовать правилом «никаких женщин в клубе».

От случая к случаю Лавкрафт продолжал добросовестно выступать в качестве хозяина на собраниях Клуба Калем, и из его писем можно узнать, что ему очень нравилось угощать друзей кофе, тортом и другими вкусностями, которые он подавал на красивейшем голубом фарфоре. Макнил однажды пожаловался, что никто, кроме него самого, не приносит гостям напитки и закуски, вот Лавкрафт и решил наверстать упущенное. Двадцать девятого июля он за 49 центов купил алюминиевое ведерко, чтобы приносить в нем горячий кофе из кулинарии на углу улиц Стейт и Корт. Он был вынужден пойти на такие меры, поскольку не мог варить кофе дома – либо не умел, либо в квартире не имелось необходимого нагревательного прибора. Также для встреч он покупал яблочные пироги, пирог из песочной крошки (который нравился Кляйнеру) и другие съестные припасы. Как-то раз Кляйнер не пришел на собрание, и Лавкрафт печально отметил: «Количество нетронутого пирога из крошки просто поразительно! Добавить к этому четыре оставшихся яблочных – и мои обеды на ближайшие пару дней, считай, расписаны!! По иронии, пирог из крошки я приобретал специально для Кляйнера, он его обожает, а он взял и не явился. Мне такая выпечка особо не нравится, но в целях экономии придется поглощать ее в огромных количествах!»⁹² Данный комментарий вновь указывает на бедственное положение Лавкрафта в тот период.

Примерно в это же время в жизни Лавкрафта появились новые коллеги. Уилфред Бланш Талман (1904–1986), журналист-любитель, учившийся в Университете Брауна, на собственные деньги выпустил небольшой поэтический сборник под названием «Клуазонне и другие стихи» (1923)⁹³ и в июле отправил его Лавкрафту. (Насколько мне известно, ни один экземпляр этой книги не сохранился.) В конце августа они встретились лично, и Талман сразу расположил к себе Лавкрафта: «Отличный парень – высокий и стройный, по-аристократически чисто выбрит, со светло-каштановыми волосами и отличным вкусом в одежде... Родом он из древних голландских семей с юга штата Нью-Йорк, недавно стал интересоваться генеалогией»⁹⁴.

Талман стал репортером в *New York Times*, а затем – редактором газеты *Texaco Star*, которую выпускала нефтяная компания. На основе различных историй из делового мира он сочинял профессиональные художественные произведения, а один из его рассказов позже был подвергнут вычитке Лавкрафтом (возможно, непрошеной). Талман, пожалуй, стал первым, кто присоединился к уже сложившемуся составу Клуба Калем, хотя регулярно посещать встречи начал только после отъезда Говарда из Нью-Йорка.

Еще ближе он сдружился с коллегой по имени Врест Тичаут Ортон (1897–1986), другом У. Пола Кука, который в то время работал в рекламном отделе журнала *American Mercury*. Позже он добьется успехов в качестве редактора *Saturday Review of Literature*, а затем и как основатель компании «Вермонт кантри стор». На тот момент Ортон жил в Йонкерсе, но вскоре после возвращения Лавкрафта в Провиденс вернулся обратно в родной штат Вермонт. Двадцать второго декабря он зашел в гости к Лавкрафту на Клинтон-стрит, 169, и они провели вместе весь остаток дня: поужинали в бруклинском ресторане «У Джона», куда часто навещался Лавкрафт, прошли по Бруклинскому мосту и после этого направились к Центральному вокзалу, где в 23:40 Ортон сел на поезд до Йонкерса. Лавкрафта он по-настоящему очаровал:

«Нет на свете более приятного, оживленного и привлекательного человека. Телосложения он некрупного, темноволосый, стройный, красивый и энергичный, чисто выбрит и очень придиричив в плане одежды... Сказал, что ему тридцать лет, но выглядит не старше двадцати двух или двадцати трех. Голос густой и приятный... манера речи бодрая и мужественная, говорит с беззаботной открытостью благовоспитанного молодого человека... Истинный уроженец Новой Англии, родом из центральной части Вермонта, свой родной штат обожает и намерен вернуться туда через год, поскольку ненавидит Нью-Йорк не меньше меня. Все его предки – настоящие аристократы, из старого новоанглийского рода по линии отца и из жителей Новой Англии, голландских поселенцев и французских гугенотов со стороны матери»⁹⁵.

Создается впечатление, что Ортон оправдал все надежды Лавкрафта. Он стал вторым почетным членом Клуба Калем, хотя вплоть до отъезда Лавкрафта из Нью-Йорка посещал встречи довольно нерегулярно. Ортон тоже немного занимался литературным творчеством: составил библиографию Теодора Драйзера под названием «Дрейзерана» (1929), основал журнал для библиофилов *Colophon*, а позже в Вермонте открыл издательство «Стивен Дэй пресс», для которого Лавкрафт иногда выполнял внештатные заказы, но к странному жанру Ортон интереса не проявлял. Впрочем, Лавкрафту и Ортону было о чем поговорить: их объединяло происхождение из Новой Англии и ненависть к Нью-Йорку.

Во второй половине 1925 года Лавкрафт не только виделся с друзьями, но и много путешествовал в одиночку. Всего через три дня после ночной прогулки, в результате которой десяти-одиннадцатого августа он оказался в городе Элизабет, где написал рассказ «Он», Говард снова отправился туда в ночь с четырнадцатое на пятнадцатое августа. На этот раз он дошел пешком до Юнион-центр (сейчас городок называется просто Юнион) и Спрингфилда, что в нескольких милях к северо-западу от Элизабет, а возвращался через Гэллопинг-Хилл-Парк, Розл-Парк и Рэуэй. (Лавкрафт также отмечал, что, снова попав в Скотт-Парк в Элизабет, он задумал еще одну страшную историю⁹⁶, но она, скорее всего, так и не была написана либо не сохранилась.) В неустанном поиске древностей он преодолел пешком огромное расстояние.

Тридцатого августа Лавкрафт впервые съездил в Патерсон и в рамках встречи «Пешего клуба Патерсона» отправился в поход вместе с Мортонем, Кляйнером и Эрнестом А. Денчем. Город произвел на него не самое приятное впечатление:

«Чтобы сказать пару слов о „красоте“ города, необходимо всерьез напрячь воображение, ведь более тоскливого, убогого и невзрачного местечка

мне не приходилось видеть... Живут здесь в основном янки и немцы, хотя среди толп фабричных работников попадаются и отвратительные итальяно-славянские помеси... Говорят, что тут есть красивые парки, но я ни одного не увидел. Мерзкий участок с фабрикой, к счастью, находится в отдалении, на другом берегу реки»⁹⁷.

Сомневаюсь, что с тех пор в городе произошли какие-либо изменения. Впрочем, главной целью поездки был парк Баттермилк-Фолс, известный своими водопадами, и он Лавкрафта не разочаровал:

«Зрелище оказалось невыразимо живописным и величественным – отвесная скала с расщелинами, прозрачный поток воды и гигантские уступы, окруженные мощными колоннами из древних камней, и все это залито абсолютной тишиной и волшебными зеленоватыми сумерками дремучих лесов, где солнечный свет испещряет усеянную листвою землю, придавая громадным стволам тысячи разных мимолетных форм».

И снова Лавкрафт очень чутко реагирует на окружающую его топографию, будь то город или деревня, пригород или лес, остров или океан. Уже через шесть дней, пятого сентября, Лавкрафт в компании Лавмэна и Кляйнера отправился на позднюю прогулку по Бруклину недалеко от дома номер 169 по Клинтон-стрит – на Юнион-плейс, небольшую мощеную улочку (к сожалению, в наши дни не существующую), которую Говард описал следующим образом:

«Залитый светом горбатой луны и одиноким, произвольно мигающим фонарем, за деревянным туннелем открывался другой мирок – мрачные задворки 1850-х годов, где в четырехугольнике, выходящем на центральную огороженную часть парка, бок о бок теснились старинные дома, при каждом – свой отдельный дворик с садом или лужайкой за забором; этих домов не коснулась неблагоприятная рука вандалов-реставраторов. Со всех сторон нас окружала успокаивающая тишина, и весь остальной мир, исчезнув из поля зрения, забылся. Здесь дремало нетронутое прошлое – неспешно, изящно и невозмутимо, бросая вызов всему, что творится в адском котле жизни за пределами этой арки»⁹⁸.

Передышку от Нью-Йорка, как оказалось, можно найти в совершенно неожиданных местах и совсем недалеко от дома.

Девятого сентября Лавкрафт и Лавмэн вместе с семьей Лонгов отправились на речную прогулку по реке Гудзон до Ньюберга, что примерно в двадцати милях к северу от Нью-Йорка. Они проплыли мимо Йонкерса, Тарритауна и Хейверстро, городков из рассказа Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» и других его произведений. На Ньюберг («где колониальные фронтоны и извилистые улочки создают неповторимую по эту сторону Марблхеда атмосферу»⁹⁹) им выделили всего сорок минут, и компания постаралась не потерять ни секунды. Двадцатого сентября Лавкрафт устроил Лавмэну экскурсию по городу Элизабет.

Одним из самых продолжительных путешествий того периода стала трехдневная поездка, охватившая Джамейку, Минеолу, Хемпстед, Гарден-Сити и Фрипорт на Лонг-Айленде. Джамейка тогда считалась отдельным населенным пунктом, но сейчас является частью района Куинс, остальные же города принадлежат к округу Нассо, что к востоку от Куинса. Двадцать седьмого сентября Лавкрафт отправился в Джамейку, которая его «необычайно покорила»: «Я оказался в настоящем новоанглийском поселке с деревянными колониальными домами, георгианскими церквями и восхитительно спокойными тенистыми улочками, где густыми рядами выстроились роскошные гигантские вязы и клены»¹⁰⁰. К сожалению, в наши дни эта местность сильно изменилась. После этого Лавкрафт отправился на север,

в Флашинг, тоже некогда отдельное поселение, а теперь часть Куинса. Поселение было голландским (его оригинальное название Флиссинген переделали на английский манер), и в его пределах также сохранились приятные детали колониальной эпохи. (Жаль, сейчас территория застроена бесконечными кирпичными многоэтажками.) Больше всего Лавкрафта интересовал дом Боуна (1661) на пересечении Боун-стрит и 37-й авеню, и чтобы найти это здание, ему пришлось несколько раз спрашивать дорогу у местных полицейских (которые «оказались не самыми большими знатоками древности, так как никто из них не видел и даже не слышал про этот дом»). Внешний вид строения привел Лавкрафта в восторг, однако неизвестно, сумел ли он побывать внутри. Сейчас в доме Боуна открыт музей, но на тот момент посетителей, возможно, еще не пускали. Говард оставался во Флашинге до наступления темноты, после чего вернулся домой.

На следующий день он вновь поехал во Флашинг и Джамейку, чтобы внимательнее изучить эти места, а на двадцать девятое число пришлось его великое путешествие по Лонг-Айленду. Сначала он отправился в Джамейку, там сел на трамвай до Минеолы. Добраться он хотел до Хантингтона, но не знал, как именно нужно ехать, поскольку у него с собой не было карты и он плохо разбирался в трамвайных маршрутах. Дорога до Минеолы показалась Лавкрафту довольно унылой (за окном «без конца проплывали одни лишь современные постройки, угрюмо свидетельствующие как о росте города вширь, так и об отсутствии вкуса и мастерства у архитекторов»¹⁰¹), впрочем, как и сама Минеола. Далее он двинулся пешком на юг, в сторону Гарден-Сити, где увидел огромный комплекс кирпичных зданий издательской компании «Даблдэй, Пейдж и др.», которая в наше время называется просто «Даблдэй» (а до этого долгое время была известна как «Даблдэй, Доран». Редакция издательства перебралась на Манхэттен, но некоторые отделы компании до сих пор работают в родном городке. Шагая дальше на юг, Лавкрафт добрался до Хемпстеда, который моментально его пленил: «Очарование безраздельно царит в этом городе, ибо здесь во всей своей полноте обитает дух старинной Новой Англии, не затронутой присутствием чужеземного Вавилона в двадцати милях к востоку»¹⁰². Говард снова восхищался церквями: Епископальной церковью Святого Георгия, Методистской, Первой пресвитерианской и другими. Довольно долго пробыв в Хемпстеде (увы, с тех пор город тоже значительно переменялся – и не в лучшую сторону), он двинулся дальше на юг и дошел пешком до Фрипорта – эта деревушка показалась Лавкрафту симпатичной, но не особенно примечательной с точки зрения старины. Всего он прошел пешком около десяти миль. Только после всего этого Лавкрафт сел на трамвай до Джамейки, а потом надземкой добрался обратно в Бруклин. Через пять дней, четвертого октября, он повез в Флашинг и Хемпстед Лавмэна (на трамвае).

С приближением зимы Лавкрафт стал путешествовать реже, хотя тринадцатого ноября все же съездил в Канарси, Джамейку (где полюбился великолепным особняком Руфуса Кинга – кстати, дом постройки 1750 года с мансардной крышей и двумя флигелями сохранился до наших дней) и Кью-Гарденс (современную и по-прежнему очаровательную часть Квинса с красивой архитектурой в неоелизаветинском стиле), четырнадцатого опять наведился в Джамейку, а пятнадцатого вновь свозил Лавмэна в Флашинг.

Эти вылазки значительно повлияли на душевное состояние Лавкрафта. Сверкающие небоскребы Манхэттена при ближайшем рассмотрении стали для него гнетущим ужасом. Отказавшись от должности редактора *Weird Tales* в Чикаго, он заявлял: «для жизни мне как воздух необходима колониальная атмосфера»¹⁰³. У Лавкрафта развилось необыкновенное чутье на древности в самых разных местах, включая Манхэттен, Бруклин и дальние уголки Нью-Йорка. Неудивительно, что он часто сравнивает увиденное с Новой Англией, ведь родной регион всегда оставался основой его мировоззрения в этих и многих других вопросах, но не кроется ли за этими сравнениями мольба к Лиллиан? Лавкрафт послушно отправил тетушке

три рассказа, написанные в конце лета, и в одном из них («В склепе») действие происходит в Новой Англии, а герои двух других – «Кошмара в Ред-Хуке» и «Он» – попадают туда либо на какое-то время, либо навсегда.

У Сони дела тоже шли не очень хорошо. В октябре она потеряла работу в Кливленде – то ли ушла сама, то ли ее уволили, – однако довольно быстро нашла новую должность. Правда, новое место все равно ее не устраивало, поскольку, как и предыдущее, оно подразумевало оплату на комиссионной основе и порождало агрессивное соперничество между продавцами¹⁰⁴. В ноябре Лавкрафт почти четыре дня потратил на написание или редактирование статьи для Сони о навыках торговли. После этого он сообщал, что на новой работе ситуация наладилась и Соня добилась «определенного успеха в образовательном отделе магазина» с той самой статьей¹⁰⁵. О каком же магазине идет речь? В более позднем письме Лавкрафт уточнял, что это «Халле» – крупнейший универмаг в Кливленде. Компанию «Халле бразерс» в 1891 году основали Сэлмон П. и Сэмюэль Х. Халле. Изначально они занимались производством шляп, шапок и меховых изделий, но позже превратились в универсальный магазин, где эти товары продавались. В 1910 году построили огромное здание на пересечении Юклид-стрит и Восточной 12-й улицы, где, вероятно, и работала Соня. Она надеялась, что удастся приехать домой на Рождество, но была так загружена на работе, что в период с восемнадцатого октября 1925 года до середины января 1926 года ни разу не возвращалась в Нью-Йорк.

Лавкрафт же провел День благодарения в Шипсхед-Бей (Бруклин) в приятной компании Эрнеста А. Денча и его родных. В конце августа он ездил туда на собрание Клуба редакторов, а предлагаемой темой для сочинений стал новорожденный сын Денча, так что Лавкрафт, к тому времени уже уставший от искусственных поводов для творчества, написал необычайно мрачное и задумчивое стихотворение «К младенцу»: в длинных александрийских строках в стиле Суинберна он повествует об ужасах реальной жизни и силе снов, которая помогает их преодолеть. В День благодарения от гостей не требовалось ни прозаических, ни поэтических сочинений, так что Лавкрафт просто увлекательно провел время с Макнилом, Кляйнером, Мортонем и Перл К. Мерритт, журналисткой-любительницей и будущей супругой Мортон.

Рождество он провел с семейством Лонгов. Лавкрафт приехал к ним в 13:30 в своем выходном сером костюме (который он называл «триумфом»), Макнил и Лавмэн уже были на месте. Родители Лонга подарили всем по шелковому носовому платку, подобранному в соответствии с предпочтениями каждого: Лавкрафту достался светло-серый, а Лонгу – ярко-фиолетовый. После обильного ужина с индейкой друг другу передавали мешочек с разными полезными предметами из магазина «Вулвортс», чтобы все взяли себе по одной вещи – например, пену для бритья, тальк и тому подобное. Лавкрафту попала зубная щетка, оказавшаяся чересчур твердой для его десен. Затем провели конкурс, в котором гости определяли рекламируемого производителя по иллюстрации из журнала. Хотя Лавкрафт признался, что не читает популярные журналы, конкурс выиграл именно он, угадав шесть из двадцати пяти компаний (Лавмэн и Макнил назвали пять, а Лонг всего три). Говарду, как победителю, досталась коробка шоколадных конфет. По описанию все это похоже на день рождения маленького мальчика, однако гостям понравилось. После скучного двойного сеанса в местном кинотеатре последовал легкий ужин (у каждого на тарелке был леденец!). Домой Лавкрафт вернулся в полночь.

После сентября в литературном творчестве Лавкрафта снова наступило затишье. За последние три месяца того года он написал только яркое стихотворение в «странном» стиле «Октябрь» (восемнадцатого октября) и симпатичное поэтическое поздравление с днем рождения «К Джорджу Уилларду Кирку» (двадцать четвертого ноября). Затем в середине ноября Лавкрафт заявил, что «У. Пол Кук требует от меня статью, посвященную ужасному и стран-

ному в литературе»¹⁰⁶ для нового журнала *Recluse*. «Я готовлю ее не спеша», – добавил Говард. И действительно, спустя почти полтора года он все еще добавлял финальные штрихи к эссе «Сверхъестественный ужас в литературе».

К написанию статьи он приступил в конце декабря, а к началу января уже были готовы первые четыре главы (о готической литературе, вплоть до «Мельмота Скитальца» Метьюрина). В то время Лавкрафт как раз читал «Грозовой перевал» Эмили Бронте, о котором впоследствии написал в конце пятой главы эссе¹⁰⁷. К марту он успел подготовить седьмую главу, посвященную Э. По¹⁰⁸, а к середине апреля «наполовину одолел Артура Мэkena» (глава 10)¹⁰⁹. Работа была организована довольно специфичным образом: Лавкрафт попеременно то читал, то писал о конкретном авторе или периоде. Из первоначального упоминания данного проекта не сразу становится ясно, что Куку требовалась историческая монография, ведь статья «об ужасном и странном в литературе» вполне могла быть теоретической или тематической, но Лавкрафт истолковал его задумку именно таким образом. Вынужденный выбор подхода он объясняет Мортону так:

«С моей никудышной памятью я быстро забываю подробности всего, что читал за последние полгода или год, поэтому, чтобы со знанием дела прокомментировать выбранные мною отрывки, для начала мне пришлось внимательно их перечитать. Добрался я до „Отранто“ [„Замок Отранто“ Хораса Уолпола] и начал выискивать все необходимое, чтобы понять, какой же там, черт возьми, сюжет. Со „Старым английским бароном“ та же ситуация. А когда дело дошло до „Мельмота“, я тщательно изучил два фрагмента из антологий, других вариантов у меня и не было – глупо ведь пускаться в хвалебные речи, даже не прочитав творение целиком! „Ватека“ и „Истории Ватека“ я тоже был вынужден перечитать, а позавчерашним вечером я снова от корки от корки изучил „Грозовой перевал“»¹¹⁰.

Временами Лавкрафт был чересчур скрупулезным. Он потратил целых три дня на чтение произведений Э. Т. А. Гофмана в Нью-Йоркской библиотеке, хотя в итоге посчитал его занудным и в эссе посвятил ему всего лишь половину абзаца, сказав, что Гофмана, скорее, можно отнести к гротескному, а не к «странному» жанру. Впрочем, иногда Лавкрафт шел и более коротким путем: например, два «отрывка из антологий», по которым он изучал «Мельмота Скитальца» Метьюрина, можно найти в сборнике Джорджа Сейнтсбери «Таинственные рассказы» (1891), где также приводились отрывки из книг Анны Радклиф, М. Г. Льюиса и Метьюрина, и в потрясающей десяти томной антологии Джулиана Готорна «Запертая библиотека» (1909), которую Лавкрафт приобрел в 1922 году во время одной из поездок в Нью-Йорк. Он во многом опирался на сборник Готорна, именно по нему цитировал греко-римскую «странную» литературу (историю о привидениях Апулея и письмо Плиния к Суру) и четыре рассказа французских соавторов, писавших под общим именем Эркманн-Шатриан.

К тому времени Лавкрафт, естественно, прочитал большинство значительных работ «странного» жанра, однако продолжал открывать для себя что-то новое, например, двух высоко оцененных им авторов, о которых он впервые узнал в то время. Сначала, еще в 1920 году, по рекомендации Джеймса Ф. Мортон Говард почитал Алджернона Блэквуда (1869–1951), но тогда, что любопытно, писатель не очень-то его заинтересовал: «Не могу сказать, что я в восторге, потому что Блэквуду чего-то недостает для создания по-настоящему пугающей атмосферы. Во-первых, он излишне многословен, а во-вторых, описываемые им ужасы и странности слишком уж символичны – именно что символичны, а не убедительно шокирующие. И символизм его далек от вычурности, которая делает Дансени таким выдающимся рассказчиком»¹¹¹. Лавкрафт снова упомянул Блэквуда в конце сентября 1924 года, когда сообщил, что

читает его сборник «Слушатель и другие рассказы» (1907), где в том числе содержался рассказ «Ивы» – по словам Лавкрафта, «пожалуй, самое поразительное творение сверхъестественного толка из прочитанных мной за последнее десятилетие»¹¹². В дальнейшие годы Лавкрафт, не задумываясь, называл (и, думаю, был прав) «Ивы» величайшим из «странных» рассказов, а на второе место ставил «Белых людей» Мэкена. Потом Блэквуд упоминается лишь в начале января 1926 года, но к тому времени Лавкрафт прочитал уже несколько его ранних сборников, в том числе «Затерянную долину и другие истории» (1910) и «Невероятные приключения» (1914). Он еще не читал «Джона Сайленса, необычайного врача» (1908), однако вскоре ознакомится с этим сборником, и некоторые рассказы покажутся Лавкрафту очень сильными, хотя другие, на его взгляд, будут подпорчены повальным использованием «детектива-ясновидца».

Странно, что Лавкрафт не узнал о существовании Блэквуда (как и Мэкена с Дансени) раньше. Его первый сборник «Пустой дом и другие рассказы» (1906) считается довольно слабым, хотя там есть несколько примечательных вещей. «Джон Сайленс» стал бестселлером, благодаря которому период с 1908 по 1914 год Блэквуд смог провести в Швейцарии, где написал самые успешные работы. «Невероятные приключения» (тот самый сборник, к которому Лавкрафт в 1920 году отнесся очень равнодушно) можно назвать одной из лучших подборок в «странном» жанре с «серьезным и благожелательным пониманием процесса создания человеческих иллюзий, в связи с чем Блэквуд как творец занимает более высокое место по сравнению с любым другим невероятным мастером слова и писательской техники...»¹¹³

Блэквуд был мистиком и в своей прекрасной автобиографии «Эпизоды из жизни до тридцати» (1923), составляющей наряду с «Далекими годами» Мэкена (1922) и «Проблесками солнца» Дансени (1938) любопытную трилогию великих автобиографий «странных» авторов, признался, что освободился от давящей традиционной религиозности семьи с помощью буддистской философии. Со временем Блэквуд пришел к пантеизму – важной и глубоко прочувствованной системе, которая наиболее отчетливо проявляется в его романе «Кентавр» (1911), главном произведении автора и подобию духовной автобиографии. В каком-то смысле Блэквуд, как и Дансени, стремился к возвращению в природный мир. Однако поскольку он, в отличие от Дансени, был мистиком (а впоследствии заинтересовался еще и оккультизмом), в слиянии с Природой, по его мнению, человек мог отбросить моральные и духовные шоры современной городской цивилизации, поэтому конечной целью для него было расширение сознания, открывающее нашему восприятию безграничную вселенную. В некоторых романах Блэквуда, включая «Юлиуса Леваллона» (1916), «Волну» (1916) и «Смышленного посланника» (1921), открыто говорится о реинкарнации таким образом, что напрашивается вывод: автор и сам в это верил.

Таким образом, с философской точки зрения Блэквуд и Лавкрафт были противоположностями, хотя Говарда сей факт ничуть не беспокоил (не менее враждебно он был настроен и по отношению к взглядам Мэкена), и в произведениях Блэквуда можно найти много привлекательного, даже если не разделять его картину мира. Впрочем, данным философским расхождением можно объяснить тот факт, что Лавкрафт недооценивал некоторые из менее популярных работ Блэквуда. В «Волне», «Саду вечности» (1918) и других произведениях много внимания уделяется любви, поэтому Лавкрафта они не впечатлили, что вполне ожидаемо. Несмотря на то что Блэквуд всю жизнь оставался холостяком, в таких трогательных работах, как «Джимбо» (1909), «Обучение дяди Пола» (1909) и некоторых других, проявляется его интерес к детям. Лавкрафту очень приглянулся роман «Джимбо», а вот остальные труды Блэквуда на эту тему казались ему нестерпимо слащавыми. Возможно, такое обвинение и справедливо в адрес слабых романов вроде «Узника сказочной страны» (1913) или «Еще один день» (1915), но не соотносится с его лучшими работами в этом ключе. Блэквуд чаще всего стремится вызвать у читателя не ужас, а благоговение, и в «Невероятных приключениях» он

умело этого добивается. Лавкрафт постарается проделать то же самое в своих более поздних работах и, пожалуй, преуспеет. Вскоре Говард назовет Блэквуда главным «странным» автором той эпохи, поставив его даже выше Мэkena.

Монтегю Родс Джеймс (1862–1936) – совсем другое дело. Лишь малая часть его творчества относится к «странному» стилю, а основным его занятием было изучение средневековых манускриптов и Библии. Его издание «Апокрифического Нового Завета» (1924) долгое время считалось образцовым. Джеймс начал рассказывать истории о привидениях, когда учился в Кембридже, и первые свои рассказы прочитал на собрании Общества болтунов в 1893 году. Позже он стал ректором в Итонском колледже, а собственные истории пересказывал подопечным на Рождество. Со временем они были изданы в четырех томах: «Рассказы антиквария о привидениях» (1904), «Новые рассказы антиквария о привидениях» (1911); «Кривая тень и другие истории» (1919) и «В назидание любопытным» (1925). Собранные в одном томе под названием «Истории о привидениях М. Р. Джеймса» (1931), все его рассказы занимают не более шестисот пятидесяти страниц, однако считаются вехой «странной» литературы. Во всяком случае, в этом сборнике представлены традиционные истории о привидениях в крайне изысканной форме, и именно совершенствование этой формы Джеймсом и привело к эволюции психологического рассказа о призраках благодаря Уолтеру де ла Мару, Оливеру Онионсу и Л. П. Хартли. Джеймс мастерски выстраивал короткие рассказы, тогда как структура его более длинных историй бывает иногда настолько сложна, что возникает серьезное расхождение между хронологической последовательностью сюжета и порядком повествования. Джеймсу, одному из немногих, также удавалось писать в разговорном, причудливом и шутливом стиле, не разрушая при этом атмосферу ужаса. Лавкрафт восхищался этим его умением, но молодым коллегам советовал даже не пытаться копировать подобную манеру. У Джеймса, как и у Лавкрафта с Мэкенем, есть своя «армия» верных поклонников. Впрочем, если говорить честно, то большинство работ Джеймса слабы и неубедительны: у него не было собственного видения мира, который он старался бы донести до читателей, как это делали Мэкен, Дансени, Блэквуд и Лавкрафт, и многие его рассказы словно преследуют только одну цель – вызывать дрожь у читателя. Вероятнее всего, Лавкрафт впервые прочитал что-то из Джеймса в Нью-Йоркской библиотеке в середине декабря 1925 года¹¹⁴. К концу января 1926 года он уже ознакомился с первыми тремя сборниками рассказов и планировал как можно скорее достать только что вышедший сборник «В назидание любопытствующим». Хотя на тот момент Лавкрафт был в восторге от автора и говорил, что «в жанре ужасов Джеймса практически невозможно превзойти»¹¹⁵, а со временем в «Сверхъестественном ужасе в литературе» назовет Джеймса «современным мастером», уже в 1932 году Лавкрафт скажет, что «на самом деле он не стоит в одном ряду с Мэкенем, Блэквудом и Дансени. Он самый приземленный представитель „большой четверки“»¹¹⁶.

Эссе «Сверхъестественный ужас в литературе» отличается превосходной структурой и включает в себя следующие десять глав:

- I. Введение
- II. Зарождение литературы ужаса
- III. Ранний готический роман
- IV. Расцвет готического романа
- V. Второй урожай готического романа
- VI. Литература о сверхъестественном в континентальной Европе
- VII. Эдгар Аллан По
- VIII. Традиция сверхъестественного в Америке
- IX. Традиция сверхъестественного на Британских островах
- X. Современные мастера

Во вступительной главе Лавкрафт излагает свой взгляд на теорию «странного» рассказа, а в следующих четырех главах прослеживает его развитие от античности до окончания готического периода в начале девятнадцатого века, затем одну главу посвящает иностранной литературе о сверхъестественном. Центральное место в этой исторической последовательности занимает Э. По, чье влияние на литературу отмечается в заключительных трех главах.

Как я уже отмечал, на тот момент имелось не очень много критических работ, посвященных «странному» жанру. В конце ноября Лавкрафт читал «Историю ужаса» Эдит Биркхед (1921), знаковое исследование готической литературы, и, хотя Август Дерлет не соглашался с этим утверждением¹¹⁷, в эссе Говарда – как в структуре анализа, так и в некоторых рассуждениях – отчетливо видны заимствования из работы Биркхед, особенно в разделе о готической литературе (главы II–V). В конце четвертой главы Лавкрафт упоминает Биркхед и Сейнтсбери. Приблизительно в одно время с эссе Лавкрафта вышла глубокая историко-тематическая работа Эйно Райло под заголовком «Замок с привидениями» (1927), и Говард с удовольствием ее прочитал.

Единственным всесторонним исследованием современной «странной» прозы тогда была монография Дороти Скарборо «Сверхъестественное в современной английской художественной литературе» (1917), с которой Лавкрафт ознакомился только в 1932 году. Прочитав эту работу, он справедливо раскритиковал ее за чрезмерную схематичность тематического анализа и брезгливое отношение к откровенно пугающим произведениям Стокера, Мэkena и других. Эссе Лавкрафта же отличается оригинальностью как историческое исследование, что особенно заметно в последних шести главах. Даже по сей день крайне малое количество работ на английском языке посвящено зарубежным «странным» произведениям, а Лавкрафт одним из первых высоко оценил таких авторов, как Мопассан, Бальзак, Эркман-Шатриан, Готье, Эверс и т. д. Большая глава, в которой рассказывается об Э. По, несмотря на излишне витиеватый язык, остается, пожалуй, одним из примеров наиболее проникательного краткого анализа. Представители поздней Викторианской эпохи в Англии не вызывали у него большого энтузиазма, однако его рассуждения о Готорне и Бирсе в восьмой главе весьма занимательны. А величайшим его достижением, пожалуй, стало то, что Лавкрафт причислил Мэkena, Дансени, Блэквуда и М. Р. Джеймса к четверке «современных мастеров» «странного» жанра, и данное утверждение, несмотря на придирки Эдмунда Уилсона и других, подтвердилось дальнейшими исследователями. Не хватает в этом списке только одного мастера – самого Лавкрафта.

Настало время поговорить о том, насколько цельным получилось эссе Лавкрафта. Критики не склонны соглашаться с Фредом Льюисом Патти, который заявлял, что Лавкрафт «не упустил ничего важного»¹¹⁸. Питер Пенцольдт упрекал автора за отсутствие в его трактате таких имен, как Оливер Оуэнс и Роберт Хиченс¹¹⁹, а Джек Салливан раскритиковал Говарда за то, что Ле Фаню удостоился в эссе лишь краткого упоминания¹²⁰. Недавно я перечитал произведения Ле Фаню, зачастую очень многословные и незамысловатые, поэтому не стану вписывать это в промахи Лавкрафту. Дело, однако, в том, что он даже не читал Ле Фаню на момент работы над первой версией эссе и знал автора только по его репутации. Позже он прочитал довольно посредственный роман Ле Фаню «Дом у кладбища» (1863) и, что не удивительно, составил о нем не самое высокое мнение. Что по-настоящему заслуживает внимания среди трудов Ле Фаню, так это его рассказы и повести, а в начале двадцатого века достать их было уже сложно. Когда в 1932 году в «Антологии детективных историй» Дороти Л. Сэйерс (1928) Лавкрафт прочитал шедевральный рассказ Ле Фаню «Зеленый чай», он все равно не сильно изменил свое мнение о писателе: «Я наконец-то достал „Антологию“ и прочитал „Зеленый чай“. Это, однозначно, лучшее, что я знаю у Ле Фаню, хотя в один ряд с По, Блэквудом и Мэкенем я бы его все же не поставил»¹²¹.

Но самое главное в эссе – это даже не проницательные рассуждения об авторах и неуверенное понимание того, как на протяжении лет развивалась эта область литературы (не стоит забывать, что историческое исследование Лавкрафта стало *первым* в своем роде, так как работа Скарборо была тематической). Больше всего «Сверхъестественный ужас в литературе» примечателен введением, в котором Лавкрафт одновременно отстаивает серьезность «странного» рассказа и, продолжая развивать мысль, начатую в таких трудах, как «В защиту Дагона», старается объяснить, что собой представляет «странный» рассказ. В самом первом предложении он безоговорочно заявляет: «Самая древняя и самая сильная эмоция, которую испытывает человек, – это страх, а самый древний и самый сильный вид страха – это страх неизвестного», и данный «факт должен навсегда подтвердить истинность и высокое положение литературной формы „странного“ рассказа в жанре ужасов». С язвительным сарказмом Лавкрафт добавляет, что «странному» жанру приходится бороться против «вялого наивного идеализма, обесценивающего эстетические мотивы и призывающего поучительную литературу „поднять“ читателя до определенного уровня самодовольного оптимизма». Как и в эссе «В защиту Дагона», все это приводит к выводу о том, что «странный» жанр способны оценить лишь «наиболее чувствительные умы» или, как Говард утверждает в конце: «Это небольшая, но важная часть человеческого самовыражения, которая всегда будет нравиться ограниченной аудитории с особо высокой чувствительностью».

Лавкрафт внес значительный вклад в определение «странного» рассказа. В одном из существенных отрывков из «Сверхъестественного ужаса в литературе» он пытается показать различия между странным и просто пугающим: «Этот вид страшной литературы не следует путать с другим, внешне схожим, но отличающимся в плане психологии, то есть с литературой обычного физического страха и обыденных ужасов». Упоминание психологии здесь крайне важно, поскольку оно приводит нас непосредственно к каноническому определению «странного» рассказа, сформулированному Лавкрафтом:

«В настоящем „странном“ рассказе есть не только загадочное убийство, окровавленные кости или стандартное привидение в простыне с лязгающими цепями. В нем также должна присутствовать определенная атмосфера необъяснимого страха перед внешними, неведомыми силами, от которого захватывает дух, должен быть и серьезный и многозначительный намек на ужасную идею, зарождающуюся в голове, – что действие незыблемых законов природы, которые являются нашим единственным спасением от хаоса и неизвестных демонов, вдруг приостановится или вовсе прекратится».

Да, можно сказать, что Лавкрафт всего лишь оправдывает использование собственного подвиды космического ужаса, однако мне кажется, что его слова имеют более широкое применение. По сути, он утверждает, что главным элементом «странного» рассказа является сверхъестественность, ведь именно этим «странный» жанр и отличается от всех других литературных форм, которые повествуют лишь о возможных в реальности событиях и поэтому несут в себе иные метафизические, эпистемологические и психологические оттенки. В «Сверхъестественном ужасе в литературе» Лавкрафт упоминает несколько примеров произведений в жанре ужасов без сверхъестественного элемента – «Человек толпы» Э. По и мрачные, полные психологизма рассказы Бирса, но таких не очень много, и он относит их к «жестоким рассказам», так называемым *conte cruel* – историям, «в которых сильные эмоции достигаются за счет мучений, разочарований и страшных физических ужасов». Сам Лавкрафт, кстати, восхищался многими образцами этого направления, например рассказами Мориса Левела, «получившими адаптацию на сцене в виде „триллеров“ театра „Гран-Гиньоль“».

В последние годы большая часть материалов, публикуемых под видом «странной» прозы, попадает в категорию психологического саспенса (когда-то в моде были не самые правильные

термины «темный саспенс» и «темная мистика»). Толчком для этого стал роман Роберта Блоха «Психоз» (1959), несомненно, очень талантливая работа, а вот его современные последователи – особенно те, что обращаются к избитой теме серийных убийц, – похоже, никак не могут определиться ни с жанром, ни с онтологическим статусом. Стараются ли авторы таких произведений уходить в крайности «страшного физического ужаса», чтобы соответствовать сверхъестественному ужасу в эмоциональном и метафизическом плане? Чем их работы отличаются от обычного саспенса? Ответов на эти вопросы у нас пока нет, поэтому определение «странного» рассказа, сформулированное Лавкрафтом, остается в силе.

Лавкрафт признавал, что написание этого эссе благотворно повлияло на него в двух смыслах. Во-первых: «Это хорошая подготовка к новой серии моих собственных „странных историй“»¹²², а во-вторых: «Чтобы написать статью для Кука, я прохожу целый курс чтения и письма – и это превосходная тренировка для ума и отличный повод провести границу между моим бесцельным существованием на протяжении последних двух лет и уединенным, как когда-то в Провиденсе, проживанием, которое, я надеюсь, поможет мне вымучить несколько достойных рассказов»¹²³. Лавкрафт уже не раз давал себе обещание перестать днями и ночами шлаться со своей «бандой» и взяться, наконец, за работу. Трудно сказать, выполнил ли он свое обещание, так как дневник за 1926 год отсутствует. А новый рассказ он действительно написал. В конце февраля появился «Холодный воздух».

Это последний и, пожалуй, лучший из нью-йоркских рассказов Лавкрафта. В компактной форме здесь изложена настоящая физическая омерзительность. Весной 1923 года безымянный рассказчик, «получивший нудную и низкооплачиваемую работенку в журнале», оказывается в ветхом пансионате, где хозяйничает «неопрятная и чуть ли не бородатая испанка по имени Эрреро». В основном в пансионате обитают представители низших слоев, за исключением некоего доктора Муньоса, образованного и интеллигентного врача на пенсии, который регулярно экспериментирует с химическими веществами и поддерживает в своей комнате температуру около тринадцати градусов с помощью аммиачной системы охлаждения. Муньос заметно впечатлил рассказчика:

«Представший передо мной человек был невысок, но изящно сложен и одет в довольно строгий костюм идеального кроя и посадки. Чистокровное лицо с властным, хотя и не сказать чтобы надменным выражением лица украшала короткая седая окладистая борода, а за старомодным пенсне скрывались большие темные глаза, разделенные орлиным носом, который придавал его кельтиберским чертам лица некий мавританский оттенок. Густые, аккуратно подстриженные волосы, свидетельствовавшие о регулярном посещении парикмахера, были элегантно разделены над высоким лбом. В общем и целом, он производил впечатление поразительно умного человека превосходного рода и воспитания».

В представлении Лавкрафта именно так выглядит идеальный человек: аристократ одновременно по крови и по интеллекту, хорошо одетый и образованный. Как тут не вспомнить гневные тирады Лавкрафта, лишившегося своих костюмов? Следовательно, мы должны сочувствовать положению Муньоса, страдающего к тому же от последствий какой-то страшной болезни, поразившей его восемнадцать лет назад. Несколько недель спустя его система охлаждения выходит из строя, и рассказчик изо всех сил старается ее починить, нанимая при этом «какого-то убогого бродягу», чтобы постоянно снабжать доктора льдом, которого тот требует все больше и больше. Но все напрасно: когда рассказчик, искавший специалистов по ремонту кондиционеров, наконец возвращается обратно, в пансионате суматоха. Зайдя в комнату, он видит «темный липкий след, тянущийся от открытой двери ванной ко входу» и «ведущий к

чему-то неопишному». Выясняется, что на самом деле Муньос умер восемнадцать лет назад и пытался искусственными способами поддерживать жизненные функции своего тела.

В «Холодном воздухе» не затрагиваются никакие трансцендентные философские вопросы, однако некоторые жуткие детали получились необычайно удачными. Когда Муньос испытывает «спазм, [из-за которого] он начал шлепать себя ладонями по глазам и побежал в ванную», автор намекает, что от перевозбуждения у героя глаза чуть не вылезли из орбит. Конечно, во всей истории прослеживается тонкий оттенок комичности, особенно когда лежащий в наполненной льдом ванне Муньос кричит через дверь: «Еще! Еще!» Что интересно, позже Лавкрафт признавал, что при написании этого рассказа в основном вдохновлялся не «Правдой о том, что случилось с мсье Вальдемаром» Э. По, а «Повестью о белом порошке»¹²⁴ Мэкена (где студент-неудачник случайно принимает не то лекарство и превращается в «в грязную темную массу, бурлящую разложением и мерзкой гнилью, массу не жидкую и не твердую, а тающую и меняющуюся прямо на глазах, с маслянистыми пузырьками, похожими на кипящую смолу»¹²⁵). И все же, сочиняя «Холодный воздух», Лавкрафт не мог не вспомнить о мсье Вальдемаре, в котором после предполагаемой смерти некоторым образом на протяжении месяцев поддерживают жизнь с помощью гипноза, а в конце он превращается в «практически жидкую массу – массу отвратительной гнили»¹²⁶. В этой истории, по сравнению с «Кошмаром в Ред-Хуке», Лавкрафт сумел намного удачнее показать ужас, обитающий среди грохота единственного настоящего мегаполиса Америки.

Действие происходит в типичном для США доме из бурого песчаника, где жил и держал книжный магазин «Челси» Джордж Кирк – по адресу Западная 14-я улица, 317 (на Манхэттене, между Восьмой и Девятой авеню). Кирк съехал с Клинтон-стрит, 169, еще в июне 1925 года, прожив там меньше пяти месяцев. Сначала он поселился вместе со своими коллегами, Мартином и Сарой Камин, на Западной 115-й улице, 617 (тоже на Манхэттене), затем ненадолго вернулся в Кливленд, а уже после этого, в августе, стал жить в пансионе на 14-й улице. Впрочем, и там Кирк надолго не задержался – в октябре он вместе с магазином перебрался на Западную 15-ю улицу, 365, где и оставался вплоть до вступления в брак с Люсиль Дворак пятого марта 1927 года. После свадьбы он открыл «Челси» уже на Западной 8-й улице, 58, где магазин продержался более десяти лет¹²⁷.

Таким образом, в пансионе на 14-й улице Лавкрафт бывал лишь на протяжении двух месяцев, но этого времени ему хватило, чтобы внимательно ознакомиться с домом. Вот как он описывал его вскоре после того, как там поселился Кирк:

«...Кирк снял громадных размеров викторианские комнаты в качестве жилья и рабочего места... Это типичная для Нью-Йорка викторианская постройка „Эпохи невинности“ с выложенным плиткой холлом, резными каминными полками из мрамора, широкими трюмо и зеркалами в массивных позолоченных рамах, необыкновенно высокими потолками с лепниной, арочными дверными проемами с замысловатыми фронтонами в стиле рококо и другими признаками нью-йоркского периода, славящегося безграничным богатством и немислимым вкусом. Комнаты Кирка расположены на первом этаже и соединяются между собой открытой аркой, окна есть только в передней комнате. Эти два окна выходят на юг на 14-ю улицу и, к сожалению, пропускают бесконечный грохот и галдеж оживленной улицы с интенсивным движением и шумом трамваев»¹²⁸.

Из последнего предложения как раз и родилось громогласное высказывание, которое можно найти в начале рассказа «Холодный воздух»: «Ошибочно предполагать, что ужас неразрывно связан с темнотой, тишиной и одиночеством. Я нашел его в ослепительном свете дня,

лязге большого города и среди обшарпанной и банальной обстановки мебелированных комнат...»

Даже аммиачная система охлаждения взята из реальной жизни. В августе 1925 года Лиллиан рассказала Лавкрафту о походе в театр Провиденса, на что он ответил: «Рад, что ты не упустила постановку Олби. Странно только, что в театре было жарко. У них установлена отличная аммиачная система охлаждения – возможно, они просто жадничают и не используют ее в целях экономии»¹²⁹.

Фарнсуорт Райт, как ни странно, отверг рассказ «Холодный воздух», хотя именно такие мрачные истории ему обычно и нравились – цензуре было не к чему прицепиться. Возможно, как и в случае с рассказом «В склепе», ему не пришлось по вкусу довольно неприятная концовка. Лавкрафт был вынужден продать историю за смехотворные деньги в недолго просуществовавший журнал *Tales of Magic and Mystery* – она вышла в номере за март 1928 года.

За первые три месяца 1926 года Соня пробыла в Нью-Йорк примерно между пятнадцатым февраля и пятым марта. Раньше ее не отпускали из «Халле» на такой долгий срок, и после отъезда супруги Лавкрафт говорил, что, если дела в магазине пойдут хорошо, вернется она не раньше июня¹³⁰. Тем временем сам Говард тоже нашел работу, правда временную и откровенно унижительную. В сентябре Лавмэн устроился в престижный магазин «Добер энд Пайн» на пересечении Пятой авеню и 12-й улицы и уговорил начальство взять Лавкрафта на должность подписчика конвертов на три недели, начиная приблизительно с седьмого марта. В 1925 году Лавкрафт не раз помогал с этим Кирку и не взял с него за работу ни цента, так как Кирк всегда был к нему очень добр. Бывало, члены Клуба Калем вместе подписывали конверты, одновременно разговаривая, напевая старые песни и устраивая из этого настоящее развлечение. В «Добер энд Пайн» за такую работу платили по семнадцать с половиной долларов в неделю. Лавкрафт весело отзывался о данной затее («*Moriturus te saluto!*»² Перед окончательным погружением в бездну я расплачусь за все свои долги перед человечеством и кратко отвечу на твое драгоценное послание...»¹³¹). В более позднем письме к Лавмэну Соня писала: «Пока я была в Кливленде, вы устроили Г. Ф. Л. подписывать письма для каталогов „Добер энд Пайн“. Он проработал всего две недели по семнадцать долларов за каждую, и эта работа была ему *ненавистна*»¹³². Думаю, насчет длительности трудоустройства Соня ошибается, поскольку в период с шестого по двадцать седьмое марта Говард не отправил ни одного письма Лиллиан. А вот насчет его реакции она, скорее всего, права, ведь Лавкрафт всегда терпеть не мог монотонные занятия такого рода.

В письмах к Лиллиан он ничего не сказал о своем отношении к этой работе. Возможно, ему не хотелось предстать перед тетей человеком, который не желает зарабатывать на жизнь. В любом случае двадцать седьмого марта его мысли уже занимали другие идеи. Ответное письмо к Лиллиан в тот день начиналось так:

«Ну и ну!!! Я с удовольствием прочитал все твои послания, но третье стало наивысшей точкой, по сравнению с которой меркнет все остальное!! Ура! Я немедленно принялся праздновать... и вот теперь наконец-то взялся за ответное письмо. Послание от Э. Э. П. Г. тоже пришло – настоящее пиршество!!!..

² «Умиравший приветствует тебя!» (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.